

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Павел Алексеев
Красноярск-Шаолинь-Транзит

Павел Алексеев
Красноярск-Шаолинь-Транзит

(клуб традиционного кунфу «Шаолинь» Красноярск)

Почти документальная повесть

Это будут заметки, отрывки, впечатления, возможно, не связанные по времени. Лица людей, запахи кухни, шеренга городов, обрывки чужой речи – сначала чужой, через пару дней уже не очень – и всегда двоякое чувство радости и сожаления, когда чистенький китайский пограничник отдает честь вслед уходящему поезду – уходящему назад, в Россию. Дома лучше, но...

Это не будет трактат о шаолиньском кунфу – пусть трактаты пишут мастера, если мастера вообще пишут их. Легенды о железных кулаках и алмазных рубашках – дело будущего, когда шаолиньский фольклор переберется из гонконговских боевиков в детскую литературу, где когда-нибудь займет (верю!) достойное место рядом со сказками Андерсена, приключениями Тома Сойера и Чингачука.

Это не будет эзотерический рассказ о буддийских таинствах древних монастырей – это неплохо получается у Лобсанга Рампы, к чему повторяться? Ну а если серьезно, то самое полное описание тайн и загадок Шаолиня можно найти в книге Г.Л.Олди «Мессия очищает диск» – немного жаль авторов, ведь они написали, черт возьми, целую книгу, ни разу, видимо, не побывав в провинции Хэнань.

Это будут просто документальные кадры, выхваченные моей памятью из поездки в Китай 1997-го года, кое-где, извините, приправленные постоценочными комментариями. Восстановленный во многом по видеоматериалам, снятыми автором, текст, наверное, и сам получится похожим на видеоклип – кратким и насыщенным, мало соответствующим гладким литературным формам. Всем поклонникам Шаолиня в частности и Китая вообще посвящается.

Глава 1

«Хрусть, и пополам!...»

М. Булгаков

Деньги собираются, чемоданы уже пакуются. Решено – едем в Шаолинь. Год 1997-й, месяц – июнь. Мы – новоиспеченные буддисты с легким фанатичным блеском в глазах, за плечами – три года тренировок под руководством трех послушников монастыря Шаолинь, тысяча поклонов, пять лет опыта занятий боевыми искусствами. Вся грудь в орденах, блин, куда деваться!

Величественный Енисей прямо посередине родного города обнимает небольшой островок, разрезанный пополам Коммунальным мостом – «Остров Отдыха». В сотне метров за Дворцом Sports, в неформальной обстановке среди одуванчиков и тополиных джунглей готовится показательное выступление для (завидуйте, кик-боксеры-каратисты!) монахов Шаолиня. Комплекс «Непобедимый монах» беспощадно попирает травку-муравку, комары тщетно ищут на телах адептов неподвижное место, грозный крик в приеме «монах рубит

гору» заставляет вздрагивать и сбиваться с курса местных роликовых конькобежцев. Никого особо не волнует, а захотят ли монахи Шаолиня на нас посмотреть. Главное – тренировка, а там разберемся (собственно говоря, эту фразу следовало бы сделать девизом красноярских любителей шаолиньского кунфу).

Наш главный наставник – Анатолий Михайлович Ковган (в дальнейшем для краткости – А.М.) – настроен решительно, бывал в Китае он не раз, для него подобное путешествие если не обыденность, то уж точно не экзотика. Вот и сейчас он со свистом косит высокие репейники девятизвенной цепью, отметая напрочь все сомнения в успехе мероприятия. Второй послушник – бородатый Александр Алексеевич (Сан-Сеич для своих) вместе с долговязым дон-кихото-подобным Михаилом Викторовичем разбивают в щепки березовые шесты, отрабатывая комплекс «иньшоу гунь». Третий послушник – Володя Гончаревич – держит меня за правую ногу, обутую в кед прямо поверх синих монашеских гетр. Володя – краповый берет, слегка поэт и прекрасно играет на гитаре. Мы пытаемся поставить убойную акробатическую связку в парном упражнении – *дуйлянь*.

– Короче – прыгаешь с левой, я тебя держу за правую, переворачиваешься в полете и бьешь мне левой круговой сбоку. Понял? – Володя продолжает удерживать меня за ногу, свободной рукой делая в воздухе выразительные жесты, которые призваны объяснить мне мою полетную траекторию. Программа ясна, планка в моей голове неожиданно падает ниже уровня нормальной безопасности. Отталкиваюсь, лечу... В полутора метрах от земли понимаю, что Володя все еще держит мою ногу и я не успеваю довернуться корпусом. С грацией куля картошки, успеваю лишь неловко подставить правую руку, рушусь на землю, напоследок чувствительно тюкнувшись виском. Предплечье пронзает резкая ломящая боль, я пытаюсь встать, но в глазах подозрительно темнеет, хотя небо ясное. В жизни не падал в обморок, не хочу и сейчас. Опускаюсь на колени и дышу как можно глубже. Вокруг проплывают сочувственные рожи товарищей, Сан-Сеич по доброте душевной предлагает массаж шиацу и начинает зверски давить на подушечку большого пальца. Становится заметно хуже. Наконец кто-то разумно предлагает пошевелить пальцами пострадавшей руки. Пальцы не шевелятся, боль не проходит, что и требовалось доказать.

Вот так, с перелома, началась мое первое путешествие в Китай. До поездки оставалось две недели.

Есть левой рукой очень неудобно. Мыться левой рукой крайне неприятно. Но застегивать штаны и одеваться левой рукой – сущая пытка. Порой забываюсь, пытаюсь вспомнить какой-нибудь комплекс, и взмахиваю правой – хорошо, что гипс не дает кисти вращаться!

Большая толпа у вагона – шутка ли, нас уезжает одиннадцать человек, всех провожают друзья и родные. Первый раз за границу – и сразу в Китай, да не в Харбин какой-нибудь, а в монастырь Шаолинь! Происходящее кажется слегка нереальным, и от этого еще веселее.

Компания подобралась весьма теплая – никаких левых, все прожженные ушуисты, включая трех девушек. А.М., Сан-Сеич и Володя уже бывали в Шаолине, прочие в той или иной степени изучали китайский язык – боевая мобильная группа единомышленников, нацеленная окунуться в другую действительность с головой. Занимаем три купе, одно из которых получает статус штабного – там едут начальство, старшие тренера. На купейном столике воздвигается мини-алтарь: ставится книжка с изображением Манжушри на обложке, зажигается курительная палочка, у Татьяны находится мини-магнитофон и кассета с буддийскими мелодиями.

Красноярский перрон сдвигается влево, все быстрее и быстрее... Мы в пути!

Прокатываемся по Транссибу бесконечными сотнями километров. Вплоть до Иркутска – степи, тайга, скукотища. Однако в большом коллективе это не заметно. Одна пачка китайской лапши сменяет другую, запасы пряников тают, Михаил Викторович туманным взглядом провожает стайку шпалоукладчиц. Обсуждаются пути попадания в Нирвану как до, так и после жизни. А.М. с верхней полки аргументированно напирает на то, что Нирвана – это свобода от всего принципиально, в том числе от мяса, вина и женщин. Девчонки на

нижней полке испуганно молчат, Михаил Викторович намекает на то, что надо оставить хотя бы вино. В соседнем купе Володя рассказывает очередной анекдот, вызывающий дружный хохот Славика и Роберта Васильевича. Роберт Васильевич Шин выдернут с корнем из обыденного существования в Красноярске-45 – закрытом городе, одном из последних оплотов социализма в России, и теперь он (Р.В.) пребывает в перманентно восторженном состоянии по поводу каждого проходящего по проходу китайца. Быть этническим корейцем в России, родиться в Киргизии, жить в общежитии и прямо сейчас ехать тренироваться ПРЯМО в Шаолине, не заплатив за это почти ничего – это вам не хухры-мухры, это надо понять и прочувствовать.

Ночь. С воем навстречу проносятся товарняки, скоро Иркутск. Андрюха отрабатывает в узком проходе **сяохунцюань**, не вызывая особого интереса у курящих в тамбуре трехдохлых китайцев. Весь вагон давно уже знает, кто мы такие и куда едем. Популярность бешеная. Каждый второй подошедший познакомится китаец, естественно, заявил, что сам (варианты: его брат, друг, двоюродный деверь) когда-то тренировался в Шаолине, просто давно все забыл, сами понимаете – семья, дети, торговля шмотками. Мы понимаем.

Байкал – жемчужина Транссиба. Мудрые инженеры-путейщики проложили дорогу максимально близко к побережью, к тому же подъезд к озеру со стороны Европы обалденно красив. Поезд тянется мимо Байкала – море и море! – часов 7-8, почти весь день. После восточно-сибирской пустоты сердце радуется чайкам и прибою, а желудок – свежекопченному омулю. А ведь когда-то, считают китайцы, Байкал входил в территорию Поднебесной, и знаменитый поэт Ли Бо родился именно здесь. Ну а мы... а мы вообще вам КВЖД подарили – парируем мы в ответ, продолжая уминать только-что купленные пирожки с картошкой. Бросаю в окно еще один взгляд – и не вижу противоположного берега. Водный горизонт сливается с небом, и Володя пытается ухватить редкий кадр своей полупрофессиональной камерой. Даже болтливые китайцы примолкают, уставившись в окна.

Двое суток пролетают вместе с Улан-Удэ, Читой, Петровским Заводом. На фоне мемориальной доски декабристам (за спиной – бывший соляной завод) Володя отснимает психодиллический кадр – на гранитной тумбе сидит Роберт в позе лотоса – и постепенно растворяется в воздухе, оставляя после себя вечернюю пустоту.

И вот впереди проклевывается Забайкальск – унылое узилище пыльных улочек, бетонных заборов, где центр цивилизации и самое чистое место – вокзал. Поезд уплывает в депо менять колесные пары, разношерстная толпа челноков, китайцев, транзитных иностранцев и нас, несущих передовое знамя культурного обмена с Поднебесной, заваливается в здание вокзала. Все слегка взволнованы и напряжены – впереди таможенный и пограничный осмотр, черт его знает, с людьми в форме лучше не шутить – обратно пилить не хочется! А.М. раздает ЦУ – как вести себя при досмотре, чего лучше не делать. Выясняется, что не делать лучше ничего, а на все вопросы посылать погранцов... к руководителю группы.

Забайкальск нарочито советск – словно всеми силами пытается удержать натиск бурно развивающегося соседнего Китая, не допуская ни малейших вольностей в архитектуре, одежде – и еде: ни намек на китайский ресторан, в буфете заправляют почему-то грузины, газировка, судя по цене, добыта из секретных подземных источников, обнаруженных при закапывании танков вдоль контрольной полосы.

Состав подан на перрон, мы загружаемся в душное купе – ведь кондиционеры, конечно же, не работают на стоянке (почему в Китае – работают?). Тишина, все притихли, челноки уже почти протрезвели. Хлопает дверь тамбура, появляются румяные девахи в зеленой форме – пограничники. Девчонки властные, опытным взглядом определяют торгашей, парой слов шпыняют слегка распоясавшихся в предверии дома китайцев. С нами разговор короткий – по всему видно, что лохи или туристы, поживиться нечем. Паспорта собраны, все о'кей.

Следом проходят таможенники, легкий шмон полок, пара рюкзаков наугад – а долларов у вас сколько? Сколько-сколько? Всего-то... Так, понятно, счастливого пути. Безошибочно

вылавливают китайца с непродекларированными долларами – без всякой служебной собаки, вероятно, по выражению лица. Знай наших, желторукий друг.

Глава 2

«Границу будем переходить маленькими группами, по два-три миллиона...»

Трактат о военном искусстве, Сунь-Цзы.

И вот, наконец, через пять часов копчения, дается добро на выезд поезда Москва-Пекин из границ Российской Империи. Туалеты по-прежнему закрыты, но что это по сравнению с душевной бурей, которая поднимается при виде оранжевых башенок с загнутыми краями крыш – Манчжурия, Мань-Чжоу-Ли, робкий привет загадочного еще Китая от мороженым русским туристам. Минут десять тянутся укреп-районы, редкие блиндажи, кое-где виднеется торчащий из земли ствол или танковая башенка – да, были раньше, видать, горячие деньки на советско-китайской границе, но сейчас вспоминать об этом как-то не хочется. Здравствуй, Китай, здравствуй, Родина Лао-Цзы, Конфуция, всего мирового кунфу и цигуна, пятитысячелетняя цивилизация, подарившая миру шелк и бумагу, компас и порох, книги и чай, соевый соус и пельмени, утку по-пекински и свинину в сладком подливе с ананасами, суп из креветок и фу-цзу-мала, па-сы-пхинго и юй-сян-жоу-сы... ох, простите, увлекся.

Да, итак, мы прибываем на перрон в Манчжурии, мы сходим на этот перрон, мы дышим китайским воздухом – поверьте, он другой! – и слегка ошалеваем от непривычной атмосферы. Жизнь в Китае движется быстрее, чем у нас, китайские суставы смазаны соевым соусом на много столетий вперед – больше шума, быстрее и выразительнее речь, пестрые свободные одежды, конечно же – больше, много больше народа, кипучая торговля – без особой напряженности, как-то легко и азартно, больше странных запахов, музыки (в Китае музыка играет ВЕЗДЕ) – легкой, мелодичной, но вполне современной, больше неона и всяких фонариков. И все это – всего лишь в пределах маленького перрона международного вокзала заштатного окраинного поселка. Что же нас ждет дальше? Нас одолевает легкий кризис провинциализма, который решено преодолеть несколькими бутылками китайского пива и блинчиками кань-тоуфу – плотный соевый сыр. А также куплены пакетики с малопонятными острыми грибами и жареный арахис. Ждем китайскую таможенную, вечерееет, откуда-то заманчиво тянет незнакомой кухней. Вертим в руках первые юани, Сан-Сеич монотонно объясняет Михаилу Викторовичу китайский счет. К Роберту и Алинке периодически обращаются по-китайски, принимая за своих. Фраза «Я не китаец, я русский» в устах Роберта, чистокровного корейца, вызывает у аборигенов подозрение – издевается, может? У Алинки, по крайней мере, вполне европейский цвет лица, да и по-китайски она изъясняется более свободно. Все это веселит компанию наряду с прибавками Владимира Владимировича. Темнеет окончательно...

У китайских пограничников есть комьютер! По этой причине или нет, но формальности проворачиваются вдвое быстрее, чем у нас. Китайские таможенники одеты в белые рубашки и кажутся немного игрушечными – то ли тощие, то ли вышколены. Тем не менее разговаривают жестко и так же, как наши, не терпят лишних разговоров и непонятливых. Ху-чжао? (паспорт) Вот тебе, плиз, мой ху-чжао. Турист? А то! (дано указание по-китайски не разговаривать – перепутаешь тоны, чего доброго, и сиди в КПП до следующего поезда)

Ура! Мы идентифицированы китайским КГБ как честные туристы, не шпионы и не контрабандисты, и не – упаси боже, даже иностранцам смертная казнь – торговцы наркотиками. Уже уходя, офицер поинтересовался у А.М., куда едем – в Шаолинь, вестимо. Последовала героическая история о бурной кунфуистской молодости, постная рожа под фуражкой расплылась в улыбке. Эх, поехал бы хоть сейчас с вами, но сами понимаете – служба... Мы понимаем.

Колеса скрипнули, свисток перронного (?), поезд выдвигается в манчжурскую ночь. Мосты сожжены, мы в Китае! Общее торжество, пиво открыто, одиннадцать человек набивается в штабное купе. В соседних, надо сказать, китайцы тоже гудят как надо – они дома, они теперь хозяева, а мы – гости. Проводники это понимают и командуют китайцами значительно вежливее. Ну а мы... Странное дело, в Китае я никогда не чувствовал себя совсем чужим, таким бледнолицым инородным телом – возможно, сказывалось плотное изучение китайской культуры – кунфу, буддизма – да и несколько лет занятий языком не прошли даром. Наоборот, дышалось легко и естественно.

На третий день пребывания в вагоне, в постоянном контакте с носителями языка, начали постепенно «открываться» уши – бессвязное лепетание китайцев в тамбурах и соседних купе вдруг стало обретать очертания отдельных слов, а потом и фраз. На язык неожиданно полезли обороты, выученные два года назад и безнадежно, вроде-бы, уже забытые. Стало очевидным, как далеки тексты и диалоги учебника от живой прокуренной и часто безграмотной китайской речи.

Осваиваю искусство еды палочками левой рукой, голодная смерть уже не страшна. Закупленная в Манчжурии лапша в круглых термомисках значительно круче нашего «Доширака», но слабых желудком предупреждаю сразу: китайскую кухню опасно мешать с кока-колой и прочими ароматизаторами, идентичными натуральным. И вообще, при въезде в Китай полезно поголодать сутки – дать организму подготовиться к атаке непривычных вкусов и сочетаний.

Полдень следующего дня – первый крупный город, Харбин, четыре миллиона жителей. Вокзал невзрачный, но большой, толпы народа на перроне. К русским здесь привыкли, раньше ведь город был на территории России, много зданий построено нашими – «сталинки», но уже полно небоскребов. Наша попутчица, студентка и одновременно преподаватель Красноярского Госуниверситета – Наташа (Цзян Бэньжун), живет именно здесь. Тепло прощаемся до осени, когда она вновь приедет учиться русскому и преподавать китайский. Наташа – член компартии, и относится к этому вполне серьезно; на наши же буддийские задвиги смотрит слегка недоуменно, явно надеясь (как, впрочем, и большинство женщин), что с годами все пройдет. Мы точно знаем, что все пройдет и потому тоже не расстраиваемся.

Чанчунь, Шэньян, Тяньцзинь – китайские железные дороги явно построены лучше, поезд идет быстро, качает меньше. По сторонам – моря риса, гаоляна, степи и реки (желтые, мелководные), ровные насаждения серебристых пирамидальных тополей. Деревни, заводы, изредка мелькнет традиционная кривая крыша – может, храм, может – ресторан. Рисовые поля – произведение искусства, травинка к травинке, ровнейшие рядки до горизонта. Китай кормит, наверное, всю Восточную Азию (как выяснилось позже, себя тоже не обижает). На кирпичных заводских заборах – красными иероглифами надписи типа «Соблюдай чистоту и порядок» или «Даешь высокую культуру крестьянам!». Где-то мы это уже видели... Четвертые сутки в вагоне, рука под гипсом болит все меньше, чешется все больше. Съедаем последние запасы печенья, полуночное чаепитие – в семь утра – Пекин, время, кстати, по всей Поднебесной – красноярское, с этим легче. Надо выспаться, завтра – трудный день, завтра – Пекин, завтра беготня, десять миллионов жителей, доллары обменять, не забыть подзарядить камеру, не забыть то... не забыть се... хр-р, хр-р-р...

Глава 3

«Ужас какой! Там полно китайцев, и все они дышат и дышат!»
Из впечатлений американской туристки.

Пол-седьмого утра, въезжаем в Пекин. В северной столице под тридцать тепла, плотный смог делает небо слегка туманным. Несмотря на это, вдоль полотна проплывают

парки и скверики, в которых полно утренних цигунистов – в основном пенсионеров – занимающихся черт знает чем. Пекин – рассадник множества столичных, семейных, весьма диковинных традиций кунфу и цигуна. Но об этом позже...

Международный вокзал – далеко не самый крупный в Пекине и архитектурно относительно устаревший (сейчас, пять лет спустя, его сильно перестроили), но после Харбина или Шэньяня он кажется нам шикарным. Подъезжая к столице, из вагона мы любовались обилием небоскребов – где ты, Красноярск, родная деревенька? – и вот, марш-броском преодолев подземный переход вокзала, оказываемся на людной площади перед башнями Бэйцзинчжань. Семь утра, солнце размахивается раскаленным кулаком, обещая потный полдень. Мы, лилипуты, в сердце Пекина, под ногами уже не болтанка российского вагона, а каменная твердь настоящего, без оговорок, Китая. Резкие скачки в масштабах домов, обилия обильногоговорящих китайцев, цветной рекламы, гул большого города, автомобильных клаксонов, крики зазывал – все это поначалу кружит голову. Это прекрасно понимают таксеры, которые, воспользовавшись нашей заминкой, набрасываются на простаков-иностранцев, предлагая отвезти куда угодно – всего сотня юаней, братан! – отпихивая старушек, предлагающих купить карты Пекина, которые, в свою очередь, теснят пацанов-чистильщиков обуви (ничего, что вы в кроссовках – шнурки погладить?) и нищих, занудно требующих внимания.

Много позже придут и другие впечатления от Китая, но это выскакивает из памяти всегда первым – вытянутое в высоту, залитое солнцем, пестрое лицо Пекина, шумный муравейник где-то на границе двух миров – Востока и Запада.

Решено в тот же день ехать из Пекина в Чжэнчжоу – столицу провинции Хэнань, откуда до Шаолиня – пару часов езды на автобусе. Мы разделяемся – А.М. с Сан-Сеичем едут доставать билеты, мы же пешком двигаем на площадь Ворот Небесного Спокойствия (Тяньаньмэнь) – крупнейшая в мире городская площадь. Нам все в диковинку, поэтому пешие прогулки по 34-х градусной жаре почти никого не пугают. Не буду утомлять читателей подробным описанием географии Пекина – скажу лишь, что центр устроен очень просто – улицы все прямые и ориентированы строго с севера на юг и с запада на восток. Это соответствует принципам гармонии фэн-шуй и легко укладывается в извилины иностранных туристов, коими мы и являемся. Рюкзаки оставляем прямо в зале ожидания вокзала под охраной наименее солнцепорных членов группы и налегке бросаемся в объятия чужеродной цивилизации.

Здесь на сцене появляется новое действующее лицо, вернее – глаз – маленькая ручная видеокамера фирмы «Панасоник». Многие воспоминания были бы уже утрачены, не будь ее бдительного ока. Жаль лишь, что доблестные инженеры фирмы «Панасоник» не научили ее записывать также запахи и вкусы – ведь без них рассказ о Китае будет очень бледным!

Будучи неопытным оператором, поначалу стремлюсь снимать все подряд, делая короткие рваные экспозиции, зачастую на ходу или быстро ведя объектив. В результате глаз быстро устает от мелькания образов, а сюжетная линия напоминает кардиограмму сумашедшего.

Итак, вырुливаем на улицу Вечного Спокойствия – Чананьцзе, и вдоль нее устремляемся к площади. Идти километра два, торопиться некуда, посмотреть есть на что. Центр Пекина, наверное, ничем не уступит Нью-Йорку или Мехико – блистающий стекло-бетон, газоны, фонтаны, прекрасный асфальт без намека на трещины, по пять-шесть полос автомобилей в каждом направлении – плюс специальная полоса для велосипедистов. Международные отели со швейцарами, ночные клубы – говорят, очень популярны в среде столичных коммунистов, бизнес-центры, многоэтажные супермаркеты. Характерная черта современного Китая – множествостроек, где растущие как грибы этажи затянуты специальной защитной сеткой зеленого цвета – чтобы мусор не упал случайно на улицу. Стиль архитектуры смешанный, часто можно видеть зеркальный небоскреб, на вершине которого пристроилась пагода в несколько этажей. Роднит новостройки в основном одно – гигантомания! Запомнилось здание Центра Женской Независимости – полукруглое, этажей в

двадцать пять-тридцать, длиной в квартал. Пришло на ум патриотическое – эх, пара таких общаг – и жилищной проблемы в Красноярске как не бывать! Да и женщина в Китае – существо пока еще весьма несвободное, особенно вдали от крупных городов. Другая мысль была – ведь если бы у нас взялись построить такую махину, то строительный мусор валялся бы даже у мэра в кабинете, притом что пять верхних этажей разворовали бы в процессе стройки, а пять нижних – еще на стадии проектирования. Может быть я – пессимист, но – съездите в Китай, потом загляните к нам в Красноярск, на площадь Мира, где в центре города одиноко гниет уже десяток лет гордость местной архитектуры – недостроенная тридцатипятиэтажная башня бывшего НИИ КАТЭК – и скажите, что я неправ.

На подходе к площади нас догоняет велорикша – дедушка лет шестидесяти (возраст китайцев, зачастую, трудно определить), и оживленными жестами приглашает покататься на своем горбу. Мы, чей средний возраст вряд ли больше 25-ти, также жестами вежливо отказываемся – неудобно, все таки. Дед настаивает, хищно приглядываясь к нашим запаренным лицам – его логика проста: белые – иностранцы – наверное, американцы – долларов немеряно – заработаю внучке на новый сотик. Увы, приходится внятно и по-китайски объяснить, что мы – русские, наше любимое занятие – ходить пешком по жаре, к тому же мы почти пришли. Китайская речь из уст явных бледнолицых сбивает старика с привычной поведенческой тропинки, он въезжает в продавца мороженого (совсем не такое, как наше – похоже на замороженный фруктовый сок) и отстает. Мимо прокатываются сотни велосипедистов. Один толстый дядька кажется мне фотогеничным, навожу камеру на него, он немедленно начинает улыбаться и показывать пальцами букву «V», теряет управление и заваливается набок. Сзади налетают еще пятеро, возникает куча мала... Но! Никто не ругается, все спокойно разгребают затор и рулят дальше. Идем дальше и мы, восхищаясь гармоничной неспешностью китайской жизни.

Площадь Тяньаньмэнь велика. Она огромна. По идее, в центре крупного мегаполиса должно быть тесно, этаж на этаже, пробка за пробкой. Но Пекин – детище древнего государства, законы которого все еще в силе... А может, Красная Площадь в Москве – уменьшенный прообраз своей пекинской сестры? Во всяком случае, стены императорского дворца всегда напоминали мне Кремль. А вот уже мавзолей Мао Цзэдуна – чистой воды плагиат с последнего прибежища Владимира Ильича.

Взгляд разлетается вдаль, в тумане смога (в Пекине от него в безветренную погоду щипет глаза) виднеются вдалеке здания китайского правительства, мавзолей Мао, Южные Ворота – часть древней городской стены, сохранившейся до наших дней, и какая-то христианская церковь. Мы стоим перед центральным входом в Запретный Город – так раньше именовалась резиденция императора, ведь посещать его имели право лишь слуги и ближайшие советники. Над входом товарищ Мао твердым отеческим взглядом обозревает площадь с трехметрового портрета, напоминая маленьким желтым человечкам внизу, что их и так полтора миллиарда, всем хочется кушать и смотреть лазерные диски в формате DVD (видеокассет в Китае остается все меньше – здесь Поднебесная прочно шагнула в третье тысячелетие), так что сильно-то не выпендривайтесь, в любой момент сотню-другую, а если сильно надо, то и сотню тысяч можно отправить на север в соляные копи или просто освободить от тяжелой земной кармы, и не помогут никакие санкции ООН – демократия в Китае никогда особенно не насаждалась.

Над площадью, в мареве горячего воздуха, медленно парит орел. Огромного размаха крылья почти не двигаются. Так, думаю, откуда он тут взялся, посреди каменных джунглей? Охотится за пустыми стаканчиками из-под кока-колы? Меня успокаивают: это просто бумажный змей в форме большой хищной птицы, за двадцать пять юаней. Тьфу, разочарование.

Билеты куплены, поздно вечером уезжаем в Чжэнчжоу. Предстоит перевезти вещи и себя на Западный вокзал – оттуда отправляются все поезда местного, внутрикитайского назначения. Берем такси – три маленькие красные малолитражки, рассчитанные явно на китайцев. Утрамбовываемся. Едем. Тесно, но весело – ездить по Пекину интересно – много

необычных зданий, жизнь бьет ключом. Машинка под нами пыхтит, но тянет. Мимо пролетают «фольксвагены» и «ауди» – все местного производства, собранные в Пекине или Шанхае по немецкой лицензии – не последнее слово техники, но все же выглядят наряднее наших «жиг» или «волг», которых, кстати, почти не видать – времена советского импорта давно закончились. Много также автомобилей оригинального китайского происхождения – явно скопированные у японцев – в основном, малолитражки, микроавтобусы-коробочки, маршрутные автобусы и троллейбусы. Китайская техника производит двойное впечатление – с одной стороны, современная внешность, блестящий лак ярких цветов, в легковушках – обязательно кондиционеры, с другой же стороны – явно низкое качество сборки, маломощные двигатели, внутри автобусов и такси зачастую грязно и обшарпано. Впрочем, как в дальнейшем нам пришлось убедиться, понятие комфорта для простого китайца расходится с нашим иногда просто на неприличное расстояние.

Преодолев современный, со множеством виадуков и разъездов, автобан, наш «китайский запорожец» бодро выруливает на площадку для такси перед центральным входом в Западный вокзал – Сичжань. Время за полдень и здание вокзала, освещенное ярким солнцем, возвышается над нами во всем своем громадном великолепии. Похоже, пекинские архитекторы задумали этим вокзалом переплюнуть всю планету – ведь по размерам ему впору принимать не местные поезда, а межпланетные лайнеры. С запада на восток здание вокзала и прилегающие к нему гостиницы и административные корпуса протянулись километра на полтора, если не на два; центральный массив высотой в двадцать-тридцать этажей выстроен в традиционном китайском стиле с загнутыми крышами и гигантскими красными колоннами а-ля дворец императора. На огромной площади перед входом живописно расположились несколько тысяч китайцев – в основном, простые рабочие или крестьяне, которые еще не купили билеты или просто ждут поезда. Многие спят прямо на бетонном полу, подстелив пиджак или газету, едят, болтают, глазают по сторонам. От солнца спасает гигантский навес – ажурная металлоконструкция, опирающаяся на описанные выше колонны.

Хватаем рюкзаки и ломимся внутрь. Без билетов туда не пускают, но у нас они есть, к тому же мы – лаоваи, нас пустили бы и так (лаовай – уважаемый иностранец, вот так-то, не иначе). Новенький эскалатор несет нас на второй ярус, где расположены залы ожидания (их много) и пандусы к перронам. Внутри прохладно, чисто и цивилизованно. Здесь же множество магазинов – от продуктовых до бытовой электроники, детские аттракционы, рестораны – китайские и мак-дональдсы, видеозалы, почта, междугородные телефоны, гостиницы и бары с караоке – словом, целый город в одном доме.

Располагаемся в зале ожидания, распуская китайцев своими рюкзаками и трехдневной щетиной. Занимаем самые мягкие диваны под потолочными кондиционерами и несколько минут просто сидим, высунув языки. Жизнь прекрасна, но... мы не ели с шести утра. Тем не менее обед в вокзальном буфете здесь мы описывать не станем – не стоит того, просто ограничимся констатацией факта: он вкуснее и безопаснее для пищеварения, чем такой же на вокзале в Красноярске. И все же это общепит, не дающий никакого представления о традициях китайской кухни. Терпение, и еще раз терпение!

Время – около восьми вечера, темнеет, поезд на Чжэнчжоу – в десять. Уставшие после шумного дня, с легким звоном в голове от вокзального коловращения, выходим на привокзальную площадь, переходим половину автострады и располагаемся на разделяющей дорогу пополам широкой пешеходной полосе, которая одновременно является газоном, парком отдыха и детской площадкой. С наслаждением разуваяемся и ходим (надеясь, что лаоваев не заругают) по плотной чистой траве. Загораются вездесущие рекламные щиты – все то же, что и у нас – шоколадки, газировка, сигареты, пиво – только как-то более жизнерадостно и без намека на пошлый юмор. Вслед за неоном огромный массив вокзала подсвечивается сотнями прожекторов и контурных фонариков (то есть обозначающих грани здания светящимся пунктиром). Вдали пылает огнями необъятный Пекин. Любуемся всем этим световым расточительством, изредка ополаскивая лицо в маленьком, но симпатичном

фонтанчике. Самый лучший Пекин – ночной, и мне довелось убедиться в этом не раз.

На перроне душно, и атмосфера накаляется еще больше, когда выясняется, что в суматохе А.М. где-то потерял один билет. Китайские чиновники, в том числе проводники – существа довольно бездушные. Они привыкли работать в больших массах крикливых и суетливых людей, поэтому за пять минут до отправления не расположены к вникновению в чьи-то проблемы. Вот типичная для наших путешествий ситуация: паровоз уже гудит, билет потерян, разбить группу на части нет никакой возможности, остаться всем на вокзале до следующего поезда – потерять немало денег, времени и сил, проводник – как гранит, сзади напирают чертовы китайцы с сумками, все устали и хотят спать. Решение? Психологическая атака на проводника без оглядки на последствия типа «главное – вломиться в вагон, а там отобьемся». То есть А.М. хватает бедного вагонщика за воротник и используя все мыслимые китайские разговорные обороты, доказывает, что мы – самые иностранные из всех самых важных иностранцев, нам срочно нужно в Чжен-Чжоу, что по нам плачет Шаолинь и китайская культура понесет невосполнимую утрату, если мы не уедем прямо сейчас; при этом мы все дружно потрясаем рюкзаками, делаем честные и очень дружественные китайскому народу лица, зачем-то выдвигаем вперед Роберта и кричим, что он не китаец, просто слишком много занимался кунфу, оттого и монголоид. До проводника постепенно доходит, что через пару минут он должен иначе-голова-с-плеч-Пекин-есть-Пекин очистить тамбур и выкинуть флажок к отправлению, да и черт знает этих иностранцев – вдруг и вправду какая-то важная делегация, лучше не связываться... а, залезайте побыстрее, если что, будете сидеть на полу. Ура!

Внутри почти холодно – это нормальный сидячий, но мягкий вагон с кондиционером, сиденьями типа самолетных и чистыми белыми шторками на окнах и наволочками-подголовниками. Естественно, на наших местах уже сидят несколько невозмутимых китайцев. Показываем билеты, нехотя уступают места. Путем сложных переговоров всем удастся разместиться, спасибо проводнику – теперь, когда мы уже внутри, он на нашей стороне, шугает зайцев в защиту бедных лаоваев, и вообще, оказывается милым парнем. Едва последний рюкзак укладывается на багажную полку, как поезд безшумно отталкивается от перрона, унося нас в ночь, подальше от столичного Пекина в направлении самого центра Поднебесной – провинции Хэнань.

Ночь в мягком сидячем – не самое приятное времяпровождение, уступающее по мучительности лишь ночи в сидячем жестком. Основная проблема – очень хочется спать, а негде. Сидящие у окна – везунчики, они могут, в принципе, положить голову на маленький столик, где-то между термосом с кипятком (его можно получить в любом китайском поезде) и огрызками копченой курицы, купленной впрок на вокзале. В качестве подушки можно на выбор использовать свои руки (быстро немеют), свитер товарища (если таковой есть) или, на худой конец, упаковку китайского бисквита (в эту поездку он входил в стоимость билета, на пакетике надпись: «Хочэ мяньбао» – «Железнодорожный хлеб»). К тому же спросонья организм замедляет процессы метаболизма и начинаешь замерзать под щедрыми ветрами кондиционеров. Слева и справа тебя подпирают плечи товарищей, напротив два китайца режутся в карты и жутко орут в азарте всю ночь, третий же их земляк просто подстригает ногти на ногах, деликатно смахивая обрезки под сиденья. Закон «Что естественно – то безобразно» для китайцев самый главный после закона «С полудня до двух часов – обед» (в это время не работает НИКТО) и неофициальной поправки к конституции, которая гласит: «Встретишь белого – заработай на нем». Я люблю китайцев и знаком со многими достойными представителями этого древнего народа, но порой хочется встать и на чистом путунхуа громко сказать: «Мужики! Курить, ковырять в носу и зевать на весь вагон – нехорошо!».

Со скрипом разгибаем затекшие ноги, разминаем шеи, разлепляем веки – за окнами нашего скоростного мягкого уже светло, до Чжэнчжоу несколько минут, мимо пролетают все те же гаоляновые пейзажи пополам с какими-то угольными разрезами и трубами ТЭЦ. Тем не менее, настроение вполне боевое – в провинции Хэнань большинство из нас еще не

бывало, поэтому даже прямоугольные дырки в желто-глиняных склонах гор, которые на поверку оказываются дверями в крестьянские мазанки-пещерки, встречаются на ура.

Из тамбура появляется молоденькая, вся накрахмаленная и вышколенная стюардесса (другого слова не подобрать), и на чистом путунхуа начинает задорно вещать что-то очень патриотическое и положительное. Прислушиваюсь – ага, да ведь через несколько дней Гонконг (Сянган) официально возвращается в лоно Китая. Грядут большие праздники, и мы как раз будем свидетелями этого. Стюардесса переходит на весьма нечистый английский и, все так же глядя прямо перед собой ясным комсомольским взором, повторяет свой спич еще раз. Кроме нас, иностранцев в вагоне нет, но наша национальность ее, похоже, не волнует. В динамиках играет жизнеутверждающая китайская попса, стюардесса приступает к предпраздничной раздаче подарков – всем пассажирам достается по простенькому набору шариковых ручек с памятной надписью «Гонконг возвращается». Мелочь, но приятно – вроде как государство помнит о тебе, ручку тебе подарило – пиши, лаопайсин, на здоровье, кушай железнодорожную булку и слушайся компартию... Смех смехом, но мы невольно позавидовали китайцам – их страна на подъеме, экономика цветет, дома растут как грибы, в мировом сообществе Китай все больше вызывает уважение – и самое главное, люди там живут хоть зачастую и очень бедно, но как-то легко и весело, и правящая верхушка – а через нее, очевидно, и СМИ – делает немало для поддержания бодрого патриотического духа в массах, и похоже, пока им это удается. Великий Дэн Сяопин просто внимательно читал великого Лао-Цзы, написавшего еще тогда, когда на месте Парижа бродили дикие волки: «Мудрый правитель делает желудки людей полными, а сердца – пустыми», что значит – дай людям еду, работу и национальную гордость, а политикой и революциями пусть занимаются аристократы. Примерно вот с такими глубокими мыслями мы и сходим на перрон восьмимиллионного города Чжэнчжоу, названного так по фамилии древнего принца Чжэн.

Глава 4

«Китай прирастать будет Хэнанью!»

Из неопубликованных записок Дэн Сяопина.

Чжэнчжоу – промышленный и транспортный центр провинции Хэнань, а ведь в ней населения больше, чем во всем бывшем Советском Союзе. Это уже не Пекин с его столичным лоском и европейскими замашками. Мы поняли это, когда протолкавшись сквозь толпу убывающих и прибывших разношерстных пассажиров, были окружены плотным кольцом местных аборигенов, никогда, видимо, не видавших живого лаовая. Скорее всего, это были крестьяне или наемные рабочие из глубинки, приехавшие в Чжэнчжоу на заработки, но так или иначе, ребята таращились на нас буквально с открытыми ртами без всякого стеснения и хорошо еще, что не трогали руками. Впрочем, мы не остались внакладе – обложились рюкзаками по кругу, как те еще квакеры в Америке времен последних могижан, начали снимать китайцев в две камеры плюс еще пара кодаков, громко комментируя выражения их лиц, правда, по-русски. Неизвестно, чем закончилось бы это культурное противостояние, не приди А.М. с новостями – есть автобус до Шаолина, в автобусе есть места, надо только протолкаться через привокзальную площадь (после Пекина – тесная и обшарпанная, куча нищих фантастически грязного вида, общественный туалет за треть юаня описывать не буду по этическим соображениям), перейти восьмиполосный проспект, просочиться между рядами велосипедистов (в Китае правило перехода дорог одно: иди так, как будто никого нет, и тебя объедут, если же начнешь вилять, то тебя задавят), отбиться от алчных таксистов (хорошо помогает какая-нибудь длинная вежливая фраза на хорошем путунхуа – сбивает с толку во-первых, сбивает цену сразу вдвое во-вторых; на крайняк все могут монотонно повторять «Бу яо, бу яо, бу яо...» (не надо, не надо...), тем более что в Хэнане свой, совершенно отвратительный диалект, после которого диктор

пекинского телевидения кажется просто родным братом, кассету с голосом которого кто-то всего лишь поставил на ускоренное воспроизведение) и после всего этого втиснуться в раскаленный на солнце, по-японски узкий в коленях, выдавший виды гор Суншань небольшой дизельный автобусик.

Уважаемые дикие туристы, рискнувшие своими силами путешествовать по провинциальному Китаю, имейте ввиду! Если водитель автобуса поклялся вам, что отправление – в десять часов, не верьте этой старой прокуренной вобле! Автобус не тронется, пока последнее место в нем не будет занято, а значит, еще лишние десяток-другой юаней не будет заработан – и не помогут удивленные распросы, просьбы, требования и угрозы – водила будет холодно курить вам в лицо, сплевывая в окошко поверх проезжающих мимо велосипедистов, шеи которых медленно отворачиваются вслед вашим потным европейским рожам, и демонстрировать самоотверженную готовность умереть, но не вернуть уплаченные вами деньги. А хочешь, чтобы все было без осечек – плати баксами втридорога, желательно заранее, еще до въезда в Китай. Тогда солидная турфирма обеспечит вам комфортабельное путешествие в чистых светлых поездах и автобусах по красивым и с центральной канализацией местам культуры и отдыха, тем самым в корне задушив запах и вкус живого, вонючего и антисанитарного любимого вами Китая.

Бодренько проезжаем сквозь пыльный и низкорослый Чжэнчжоу – масса автомастерских, мелких одно-двухэтажных магазинов, склады, жилые дома в большинстве нашего девятиэтажного блочного типа, грязные, в бурых потеках, с битыми стеклами. Это – недалекое индустриальное прошлое Китая, в то время как Пекин олицетворяет близкое интернационализированное будущее. Конечно, небоскребы и древние пагоды есть и в Чжэнчжоу, но как-то теряются в общей массе обветшавших «хрущевок по-китайски».

За городом – прекрасное шоссе, сплав труда многотысячной армии дешевых рабочих и современной западной технологии. Наш шофер выжимает из автобуса все возможное, заставляя меня, водителя со стажем, по-крепче сжимать подлокотники кресла. Полагаю, китайцы сочли излишним вводить правила дорожного движения, ограничиваясь наглядной пропагандой (то есть – развесили плакаты с надписями типа «Пешеходы! Будьте бдительны!» с цветными фотографиями раздавленных трупов). Также я не заметил признаков какого-либо аналога нашего ГАИ, не считая регулировщиков в крупных городах. Манера вождения китайских водителей дает пищу для размышлений о бренности всего сущего: так, обычным делом считается двойной обгон по встречной полосе, обгон на поворотах без видимости, гонки на самосвалах и трехколесных фургончиках. Главное – почти непрерывно сигналить, не бояться за машину и верить в счастливую звезду притихших за спиной трех десятков пассажиров! И все же – никакой ругани и агрессии по отношению к таким же как ты раздолбаям за рулем. Нарушаешь сам – дай понарушать и другим.

Горы Суншань возникают как-то внезапно, словно прятались за очередным холмом. Наши буддийские сердца взволнованно подпрыгивают на случайной кочке и уже не утихают, наверное, до самого Красноярска. Начинаются перевалы, щедрое солнце изредка выхватывает на вершине горы ступенчатые крыши одного из местных монастырей – возможно, буддийского, возможно – даосского. Цель нашего путешествия все ближе, это заметно по обилию придорожных гостиниц и школ ушу с иероглифами «Шаолинь» в названии. Автобус делает несколько коротких остановок возле некоторых из них с до смешного очевидной целью: подбегает толпа торговцев мелкими шаолиньскими сувенирами, баночной газировкой и какими-то безумно-безполезными побрякушками в надежде окучить пару-тройку лохов, в первый раз едущих в Шаолинь. Уставшие бесконечно повторять «Бу яо!», мы лишь молча грустно глядим на их назойливые лица. Уйди, бабуля, я четверо суток не мылся в душе!

Останавливаемся у своеобразного КПП: каждая полоса дороги контролируется шлагбаумом и очередной чистенькой форменной рубашкой. За проезд по хорошим дорогам надо платить, в среднем от 10 до 50 юаней. За это мы пронзаем насквозь большую гору по современному, хорошо освещенному тоннелю и въезжаем в Шаолиньскую долину (как мы

привыкли ее называть). Пара серпантинов, минуем искусственное водохранилище, последний рывок – и наш автобусик, пофыркивая дизелем, вкатывается на главную (и единственную) улицу шаолиньской деревни, начало которой охраняет пятиметровая гранитная статуя непомерно плечистого шаолиньского монаха, увесистый кулак коего упирается в рубленую ладонь на уровне груди, символизируя бдительное приветствие всем прибывающим в святая святых всего кунфу, колыбель всех боевых искусств мира, Мекку всех чань-буддистов и романтиков кулачного и оружейного дела – Северный (а ныне и единственный) Монастырь Суншань Шаолинь.

Глава 5

«Давая обет безбрачия, предварительно грамотно оформите развод»

Из наставлений монахам.

Неумолкая, поют цикады, некоторые из них – как-то странно, слишком уж однообразно. Это просто музыкальные шкатулки на фотоэлементах, в обилии разложенные по лоткам вездесущих торговцев. Закроешь – молчит, откроешь – сверчит. Мимо неторопливо проходит группка разморенных полуденным солнцем негров, из вестибюля гостиницы слышна английская речь. Сложив сумки на асфальт, мы слегка заторможенно перевариваем сложившуюся ситуацию: мы – в Шаолине. Конечно, мы еще не в самом храме, а всего лишь в гостинице для иностранцев, но – вот она, гора лежащего Будды, у подножия которой жил второй патриарх, а вот горы Ужуфэн, а за деревьями, наконец – гора Шаоши, где в пещере великий Дамо медитировал девять лет... А воздух! А деревья! А негры!... Внизу Роберт Васильевич в священном трансе прогуливается среди столбов мэйхуа, ловлю его в объектив – для потомков.

Первый трепетный визит в храм – через центральный вход, навстречу улыбающемуся Майтрейе в маленьком полутемном зале, и далее, вдоль короткой аллеи, заставленной каменными стеллами, подаренными монастырью различными зарубежными школами или обществами шаолиньского кунфу. В сущности, если убрать пестрые толпы туристов, магазинчики сувениров и постоянно играющую музыку, то станет ясно, что Шаолинь невелик по размерам, очень уютный, пропорционально построенный, продуманный в мелочах, с обилием потайных уголков и маленьких площадок для тренировок. Расположенный ступенчато, террасами, он поднимается в гору от центрального входа, причем соседние уровни архитектурно изолированы друг от друга, образуя своеобразные «дворы». Ступени каменных лестниц весьма круты, порой даже, спускаясь вниз, не видишь их до последнего момента и невольно замедляешь шаг.

Несмотря на обилие посетителей, во дворах чисто, оберток или сигаретных окурков не встретишь – следят, убирают, да и туристы в храме ведут себя сдержанно – атмосфера располагает. Даже в самую лютую летнюю жару в залах прохладно, царит легкий полумрак, все пропитано запахами благовоний. Суэта и озабоченность сами собой улетучиваются, шаги замедляются, голос невольно понижается до полупшепота. Если есть фраза «...слышны отголоски прошлого», то в Шаолине больше подходит «...слышна тишина прошлого». Когда-то здесь немало медитировали, и даже горластые экскурсоводы не в состоянии полностью разрушить веками создававшееся спокойствие.

Если подниматься по лестницам последовательно, в конце концов упираешься в последний, самый верхний зал – Зал Тысячи Будд, тот самый легендарный, где сохранились вдавленные в пол прямоугольные камни – следы многих сотен лет упорных тренировок. Этот зал как-бы встроен в северную стену, замыкающую монастырь. Стена не слишком высока – метра три, не более, и явно не предназначена для обороны – скорее, она защищала спокойствие монахов от диких и домашних животных (а раньше в окрестностях Шаолиня

водились и волки), да от нескромных взглядов случайных прохожих или любителей тайком понаблюдать за исполнением секретной техники.

Если же свернуть в один из боковых проходов между залами, то можно попасть во внутренние служебные дворики – туристов туда не водят, смотреть в смысле истории особо не на что, да и монахам тоже хочется отдохнуть от бесконечной череды назойливых посетителей. Кроме собственно монахов, при храме живет довольно большой штат уборщиков, строителей (всегда что-нибудь нужно ремонтировать или реставрировать) и прочий обслуживающий персонал. Что поделать – сейчас Шаолинь по посещаемости – второй после Ватикана музей мира.

Еще в первый день запомнился один из внутренних дворов на западной стороне. Довольно просторный, по периметру он ограничен одноэтажными галереями (судя по всему – недавней постройки, времен реставрации монастыря в 1980-х годах). Внутри галерей, за перилами, представлена экспозиция, призванная просвещать туристов в плане бурной истории Шаолиня. Неизвестный скульптор (а скорее, видимо – группа скульпторов) вырезали из дерева (возможно – гипс) фигуры монахов в полный рост, застывших во всевозможных стойках кунфу, практикующих всякие виды цигуна, сидящих в медитации или просто идущих на службу в длинных буддийских рясах. Надо сказать, фигуры срублены довольно грубо, к тому же некоторые уже слегка покосились от времени. Рядом изображена немая сцена нападения на Шаолинь японских пиратов (!). Какого рожна японские пираты поперлись в провинцию Хэнань за сотни километров от моря, осталось для нас неясным. Вообще, тема борьбы китайских мастеров боевых искусств с японскими – излюбленная в кинематографии китайских боевиков; надо сказать, что простые китайцы заочно недолгобливают японцев, считая их варварами и обзывая «жибэнь гуйцы», что значит «японские черти»... Другая сцена живописует один из знаменитейших моментов в боевой истории Шаолиня – тринадцать лучших бойцов Шаолиня, вооруженные железными шестами, помогают императору Ли Шиминю разбить войско мятежников. Действительно ли тринадцать человек разгромили целое войско, или же только подали пример своим непобедимым духом воинам императора – сейчас уже вряд ли можно установить, но верно то, что после победы Ли Шиминя Шаолинь был одарен всевозможными императорскими милостями, в числе которых был и известный специальный указ, которым монахам Шаолиня в пикку остальным буддийским монахам было разрешено пить вино и есть мясо, как заслуживающим полного доверия в своей добродетели.

В этом же дворе, в одной из угловых пристроек, расположена приемная главного (тогда еще; сейчас политика изменилась) инструктора монастыря Шаолинь по боевым искусствам – Ши Дэяна, старого знакомого А.М., одного из самых фотографируемых молодых монахов. Действительно, на фотографиях Дэян выглядит весьма фотогенично – гроза врагов и гордость Шаолиня, в повседневности же он оказался довольно спокойным и вежливым парнем, хотя и не без налета некоторой значительности, чуть большей, чем полагается людям его возраста. Мы, салаги, робко здороваемся с ним традиционным буддийским поклоном – ведь это почти легенда, сам Дэян, настоящий шаолиньский усэн (монах, тренирующий кунфу; есть и иные – вэньсэны – они практикуют в основном невоинские пути развития), альбомы с фотками которого мы еще недавно с трепетом рассматривали в Красноярске. Впрочем, А.М. беседует с ним относительно по-простому, без обилия церемоний, и мы немного расслабляемся. Гм...а, Дэян, помню такого, заходил как-то в гости...Да, как просто быть ближе, когда вместе с уверенностью вы излучаете долларовые бумажки!

Впрочем, вернемся к нашему путешествию. После короткой беседы с Дэяном решено, наконец, заняться поисками жилья. Гостиница для иностранцев – для нас дороговато (порядка 100 юаней в сутки за двухместный номер), да и преимущества такого жилья неочевидны: горячей воды в Шаолине нет практически нигде, а чистота простынь и полотенец вызывает сомнения везде. В итоге останавливаемся в милом постоялом дворике 15 юаней за комнату со следующими плюсами и минусами: минусы – горячей воды нет и не

будет ни за что, бетонный пол в комнате подметается естественным шарканием подошв постояльцев, единственная розетка расположена почему-то на уровне глаз, простыни и наволочки не то чтобы плохо пахнут, но как-то увяли, тонкая деревянная дверь в принципе закрывается на замок, но если некогда искать хозяйку с ключами, подходит и несильный прямой толчковый удар ногой; отдельного описания заслуживает ванная комната (она же туалет) – в нашей, увы, не было света (как и через год после этого!), пол кафельный с размазанными остатками цемента и неопознанными пятнами грязного цвета, унитаз одноразового пользования (можно спустить один раз, а дальше две недели мы бегали во двор в нормальный бетонный сортир); ванную же, полагаю, хозяева не мыли просто потому, что сами никогда не пользовались своим изобретением западной цивилизации.

А теперь о плюсах. Два самых главных – дешевизна и возможность утром, едва проснувшись, сквозь зарешеченное окно полюбоваться видом высящихся среди кущ платанов пагод монастыря – метров пятьдесят до Шаолиня, рукой подать. Кипяток всегда можно попросить у хозяев – наготове стоят несколько термосов и титан, внутренний дворик закрыт от уличной суеты – можно тренироваться без помех, и наконец – стоя во дворе, можно созерцать одинаково свободно гору Лежащего Будды на юго-западе и гору Шаоши с пещерой Дамо на северо-западе. Ночью, если нет туч, на небо высыпает тысячи звезд – ведь здесь почти тропики, и ясный светильник Луны вдохновляет на философские размышления или ночную прогулку по окрестностям. И – ура! – в Хэнани нигде нет комаров!

Правда, в первый же день мы обнаружили, что другие животные в нашей гостинице все же водятся, и в немалом количестве. Я не биолог и точного названия этой живности не знаю, но между собой мы прозвали их многоножками. Возьмите кусок старого коричневого шнура длиной с палец, снабдите его по бокам десятком пар тонких и длинных паучьих ножек и заставьте бегать по стенам и потолку со стремительностью ящерицы – и вы получите представление о многоножках. Позже, в Красноярске, один мой знакомый серпентолог добродушно уверял меня, что эти твари не ядовиты и питаются всяким органическим мусором, как тараканы, но тогда мы этого НЕ ЗНАЛИ. Например, ситуация: вечер, после длительных походов по горам надо помыться. Захожу в ванную, оставляя дверь полуоткрытой – света-то нет, включаю наощупь скудный ручеек холодной воды из крана, достаю чистую плоскую из-под лапши – это мой ковшик, из него здоровой рукой буду обливаться, вынимаю голую ногу из сандалия, намереваясь опустить ее в трогательно грязную ванну – как вдруг трещина на кафеле, которую замечаю лишь боковым зрением, прыскает вбок и уносится на потолок! Ну, кто из нас больше испугался?

Кроме того, в наличие обычный тропический набор бабочек, ночных пушистых мотыльков, цикады, лягушки в разрушенном (а работал ли он?) фонтане посередине двора, несколько крыс, дружелюбно попискивающих где-то на подоконнике, ящери и даже пара настоящих ядовитых сколопендр, норовящих заползти погреться под простыню. Впрочем, сколопендры неторопливы и меньше размером, чем многоножки, так что судорожной паники не вызывают. Кошек и собак в деревне почти нет – наверное, перевели в ресторанах на блюда типа «битва тигра и дракона» (суп из кошки и змеи). Есть коровы коричневого цвета и огромные черные свиньи.

Разложив вещи, слегка ополоснувшись и переодевшись по-простому – долой джинсы и туфли, да здравствуют тренировочные штаны и сандалии, направляем стопы в ближайший из приличных ресторанчиков. Конечно, мы не собираемся обедать там ежедневно – карман не позволяет, просто прибытие в Шаолинь и окончание (пусть временное) столь нелегкого пути требует небольшого отдыха в виде гастрономического праздника.

Глава 6

«Кушать надо часто, но помногу»

Китайская диета.

Конечно, описание китайской кухни не заменит ее поедание. Поэтому буду предельно краток. Обычно, в нормальных ресторанах есть общий зал, в котором стоят десяток-два столиков, и есть отдельные комнаты с одним столом на несколько персон – такой вариант подороже, зато там всегда есть кондиционер, новая чистая скатерть и возможность отдохнуть в тишине (что в Китае немаловажно). Мы выбрали именно отдельный вариант, дабы ничто не нарушало наши девственные впечатления от обеда, а также потому, что слегка перегрелись за день – ведь за бортом было +35!

Традиционно китайский обеденный стол круглый, и в центре его установлен круглый же вращающийся поднос около метра в диаметре. Каждому клиенту ставят блюда, тарелки под суп, чайную пару, выдают палочки для еды и фарфоровые ложки для супа или соуса. В зависимости от класса заведения всего этого бывает больше или меньше, качеством лучше или хуже. Далее обычно приносят и разливают зеленый чай – его принято пить до еды, для улучшения пищеварения. Чай и ритуал чаепития – тема отдельной диссертации, скажу лишь, что хороший зеленый чай гораздо лучше утоляет жажду, чем газировка, к тому же он не возбуждает так, как черный; плохой же зеленый чай можно с успехом попить и в Красноярске!

Затем следует приятная процедура разбора меню. В целом мы всегда придерживались примерно следующей схемы при выборе блюд: половину брали из тех, что хорошо знакомы и примерно одинаково готовятся в любом ресторане – это чтобы не прогадать, а половину брали на удачу – с целью расширить кругозор. В любом случае нельзя забывать о закуске – вегетерианских салатах, рисе или маньтоу (паровые булочки почти без соли). Рис или пампушки призваны стабилизировать пищеварение и слегка погасить обилие красного перца и прочих специй; салаты прекрасно оттеняют основные блюда; а в конце неплохо заказать суп или тарелку лапши, как достойное завершение двух-трех-часового праздника желудка (в Китае обед – важное мероприятие и торопиться не принято). Все это, конечно, не означает, что каждый из полутора миллиардов китайцев ежедневно просиживают по несколько часов в изысканных ресторанах, вылавливая нефритовыми палочками кусочки морской змеи из яшмовой тарелочки с императорским соевым соусом. Напротив, большинство работает дома (зачастую не отходя от прилавка) или в простецких уличных забегаловках, и довольствуются рисом, лапшой и тоуфу (соевый сыр), иногда запивая все это бутылочкой пива (оно в Китае дешевле кока-колы и бутилированной воды). Просто хочется подчеркнуть, что культура питания в Поднебесной на голову выше западных диет, и вполне доступна даже простым людям.

Итак, заказ сделан, через 15-20 минут официантки приносят (по мере готовности) основные блюда и расставляют их на центральном подносе. Если речь не идет о солидном банкете, где бывает до 40-50 блюд, приносимых в несколько перемен, то соблюдать очередность в поедании угощений необязательно – вы можете брать палочками кусочки прямо из общих тарелок и отправлять в рот, а если не дотягиваетесь до чего-нибудь, то можно прокрутить поднос и блюдо подъедет к вам поближе. Практически вся еда в китайской кухне нарезана мелкими ломтиками или кубиками так, чтобы ее было удобно подхватывать палочками. К некоторым блюдам подают тарелки с соусами – чаще всего это острый соевый соус или суперострый чесночно-перечный соус; берете ломтик палочками и макаете прямо в соус. Такие атрибуты западной кухни, как солонка, сахарница или бутылочка с уксусом на китайском столе отсутствуют – блюда подаются полностью готовыми под ответственность лаопана (хозяина или распорядителя), к тому же солью китайские повара почти не пользуются – заменяют ее соевым соусом или вэй-цзином (у нас сейчас можно встретить его в составе разных комплексных приправ типа «Галина Бланка» и т.п.).

Один из принципов китайской кулинарии – клиент не должен понять, из чего приготовлено кушанье. То есть стараются так обработать мясо, чтобы оно по форме, вкусу и запаху напоминало рыбу, кабачки стали похожими на баранину, соевый полуфабрикат

нельзя было отличить от курицы и так далее... Овощи никогда не подаются сырыми – слегка обжариваются или обвариваются, стерилизуясь снаружи, но сохраняя полезные вещества внутри. В китайской кухне отсутствует понятие десерта в европейском смысле этого слова – увы, заказать торт или пирожные в конце трапезы не удастся; но, при желании, вам могут пожарить яблоки в карамели или подать ассорти из арбуза, бананов и киви в сливочном креме. Да, отъявленным сладкоежкам в Китае поначалу будет грустновато, но недолго – обилие свежих и дешевых фруктов и овощей заставляет забыть о домашних пончиках.

Пожалуй, на этом стоит закончить небольшой экскурс в теорию китайской кухни. Добавлю в конце, что процент желудочных заболеваний в Китае один из самых низких в мире; и за все время пребывания там мы не встретили ни одного заплывшего жиром китайца. Плотных, полных много, но это не болезненная одутловатость, а скорее, природная конституция. Замечу, что большинство полных китайцев весьма подвижны и, кажется, совсем не страдают от своего веса. Вероятно, это связано с тем, что в китайской еде мало животных жиров, много овощей и правильно сбалансированных приправ (например, многие блюда очень остры из-за большого количества красного перца – его кладут иногда целыми стручками – но никто из нас не жаловался на изжогу или гастрит). К тому же в китайском рационе мало мучного и молочного – китайцы не едят сдобу и совсем не пьют коровье молоко (только соевое). И еще: на улицах совершенно нет пьяных. Заслуга ли это милиции или наследие культуры, но ночью по китайским городам можно гулять довольно спокойно, не опасаясь нарваться на хулиганье или буйную попойку. Светлая память товарищу Мао!

Первая ночь в Шаолине слегка волшебная. Хор цикад и лягушек навевает приятные воспоминания – в детстве не раз приходилось бывать в Сочи и Крыму. Поперек неба расстелился Млечный путь, такой же светящийся хоровод, только из неона, тянется вдоль главной аллеи Шаолиньской деревни – да, реклама добралась даже сюда. Мы сидим на теплых еще бетонных ступеньках перед нашей гостиницей и молча впитываем ночные запахи и шорохи Шаолиня. В темноте гор почти не видно, но их присутствие незримо ощущается – стоят, дышат спокойствием. Вот из-за призрачного хребта появилась крупная звезда и медленно двинулась на север – спутник, может быть, даже наш. Дневная суeta утихла, торговцы позакрывали лавочки и смотрят телевизор прямо под открытым небом... Впрочем, если подойти прямо сейчас и попросить что-нибудь продать – без проблем, хоть в три часа ночи – деньги есть деньги. Откуда-то издали доносится музыка – это караоке, в Китае оно сейчас очень популярно, наравне с бальными танцами. Мимо проезжает трехколесная мотоповозка – их еще много, даже в крупных городах; следом за ней трехколесный же трактор какого-то средневекового дизайнера.

Центральная аллея тянется вдоль мелкой, почти пересыхающей летом речки – мы прозвали ее Сяо-Хэ (речка). Несмотря на обилие лягушек, крестьяне частенько стирают в ней одежду, а мелкое пацанье с успехом купается-плескается. Мы и монастырь находимся по одну сторону реки, а большая часть мелких гостиниц и ресторанов – по другую. Увы, сейчас, в 2003-м, когда пишутся эти строки, все эти домишки уже снесены – об этом разговор чуть позже.

Воздух мягкий, от дневной давящей жары не осталось и следа – теперь понятно, почему в хрониках упоминаются ночные тренировки монахов – самое время: и свежо, и никто не увидит. Летом в центральном Китае темнеет около девяти, рассветает в пять; до полуночи можно успеть потренироваться, и к пяти-шести утра как следует выспаться – свежий горный воздух, правильное питание и регулярные медитации делают долгий сон необязательным. Ну а сейчас у практикующих кунфу монахов просто нет выбора – ведь днем толпы туристов делают занятия невозможными.

В одиннадцать хозяева гостиницы запирают ворота, и нам приходится возвращаться в комнаты. Глаза слипаются, ноги гудят – ведь с тех пор, как мы сошли с поезда в Пекине, прошло более полутора суток – почти без сна и лежачего отдыха, по жаре и с рюкзаками на горбу. Мы заслужили сладкий сон на мятых простынях, и под монотонный скрип настольного вентилятора, раздающего направо и налево волны теплого воздуха,

отправляемся в объятия Морфея.

Глава 7

«Сколько женщину не тренируй, она все равно замуж хочет!»

В. Гончаревич

В полшестого утра спать в Китае уже невозможно – солнце уже высоко, торговцы разворачивают палатки, скрипят тачки и тележки рабочих, по узкой центральной аллее с грохотом протискиваются самосвалы (где-то сносят старые мазанки), многочисленные ушуистские школы высыпали на улицу и с речевками и дружным топотом отправляются на пробежку, громкоговорители пронзают окрестности бодрящими звуками горна. И надо сказать, что просыпаться спозаранку в Китае совсем не в напряг – говорю это как заслуженная сова с многолетним стажем.

Воды в кранике пока нет, бежим во двор и виртуозно умываемся под струйкой водопровода. Несколько минут можно уделить дыхательным упражнениям и привести в порядок сохшее на веревке еще с вечера белье. Легкий завтрак обычно состоит из печенья или лепешек (печенье типа наших галет, лепешки похожи на маленький пресный лаваш); иногда нас разбирает ностальгия и мы починаем баночку сгущенки, привезенной еще из дома, да так и не съеденной в поезде. Чай первое время допивали свой, черный, в пакетиках. В шесть-семь утра аппетит весьма умеренный, да и нельзя наполнять желудок – ведь к восьми всем на тренировку, и к этому времени солнце печет уже всерьез.

В спортивных школах режим тренировок очень жесткий. Первая тренировка в семь – после пробежки, и ее отнюдь не назовешь разминочной, щадящей недавно проснувшийся организм; мы частенько наблюдали, как мальчишки и юноши отрабатывают сальто, высокие прыжки, работают по лапам или на гимнастических матах. Часов в восемь все завтракают – что-нибудь простое, никакого мяса – соевые ростки, лапша, тофу или лепешки, и отправляются на учебу. В спортивных школах-интернатах обычно преподают один-два предмета (помимо кунфу), как правило, это основы математики и так называемая вэнь-хуа – культура, куда, полагаю, входят и начала истории, и письмо (иероглифы), и элементарные сведения по географии и естествознанию. Скажем прямо, будущих спортсменов не перегружают знаниями (впрочем, сейчас китайское образование серьезно реформируют, вкладывают деньги, двигают иностранные языки и компьютерную грамоту – глядишь, через десяток лет по уровню обучения догонят и нас).

После учебы, с двенадцати до двух, конечно, обед. Затем вторая тренировка – никаких спортзалов, под палящим солнцем – обычно посвящается отработке базовой техники, растяжке, силовым упражнениям. Перерыв на отдых или стирку часа полтора, и часам к пяти-шести третья тренировка – чаще всего это спарринги (санда, китайский кикбоксинг) или работа со спортивным оружием – шест, пика, меч, цепочка и т.д.

К восьми вечера спортсмены возвращаются в свои школы, горны играют отбой, усталые ребяташки предоставлены сами себе – можно пошататься по окрестностям, сбегать к торговцам – купить арбуз вскладчину или погрызть маленькие острые шашлыки из баранины на деревянных палочках – разнообразие угощений зависит от финансовых возможностей. Обучаться в Шаолине до последнего времени было довольно престижно, и родители готовы платить несколько тысяч юаней в год за своих чад. Детям это нравится больше, чем обычная провинциальная средняя школа, а на учебу в Пекинской академии ушу или хорошую частную школу (не говоря уже о загранице) средства есть не у всех.

Но у нас, бледнолицых, длинноногих и неуклюжих, запросы поскромнее. А.М. договорился с Ши Дзяном, что он выделит нам тренера по традиционному ушу – спортивное нам ни к чему, мы не собираемся участвовать в соревнованиях – в режиме две тренировки в день, кроме воскресенья. Утренняя – с восьми до десяти, вечерняя – с четырех до шести. Но

даже такое расписание практически никто из нас не оказался способен выдержать до конца. Причин этому много: сильная жара сибирякам не по нутру, резкая перемена климата, питания и культурного окружения требует времени для акклиматизации, и главное – мы отнюдь не сидели на месте в промежутках между тренировками, постоянные походы по горам и местным достопримечательностям отнимали много сил. Словом, заниматься в Шаолине в июле – бесплатный рецепт всем фанатам похудения.

О нашем тренере стоит сказать отдельно. Его зовут Фу Цзыцян, ему шестьдесят восемь лет, рост – примерно метр шестьдесят с лишним, круглое морщинистое лицо простого хэнаньского крестьянина, зачастую небритое, но всегда готовое расплыться в хитренькой улыбке; на правой руке нет половины среднего пальца, одет в простую рубаху поверх коротковатых серых брюк, на ногах старенькие сланцы. Когда-то в детстве он сам пришел в Шаолинь и попросился в монахи – это было в конце тридцатых; но монахом пробыл недолго – настали времена Мао, начались гонения на ушуистов, Шаолинь горел, большинство монахов вынуждены были уйти в другие места или искать счастья в мирской жизни. Фу Цзыцян вернулся в родную деревню и долгое время жил там. Узнать что-либо подробнее довольно сложно – Фу лао-ши (учитель Фу) не склонен в пространным воспоминаниям, к тому же он говорит только на хэнаньском диалекте, который даже привыкший к языковому разнообразию А.М. понимает с трудом. Сейчас Фу не монах, живет при школе Дзяна, вероятно, в качестве консультанта по старым традициям кунфу.

Фу – настоящий традиционный тренер, и этим сказано все. Заниматься у него – сущее мучение, особенно для избалованных западной демократией европейцев. Основной принцип его тренировок выражает дух древнего китайского искусства вообще – не существует неважных мелочей, ничего не должно быть оставлено на потом, великое большое рождается из простого малого. Только так можно построить такое крепкое здание, как китайская цивилизация, только так можно овладеть таким искусством, как шаолиньское кунфу. И так проще простого можно за два часа спустить семь потов с глупых наивных иностранцев – ишь че захотели, кунфу им подавай!

Хотя учителю Фу скоро семьдесят и годы не прошли для него бесследно – спешу разочаровать тех, кто восхищается легендами о седых китайских старичках, летающих с горы на гору и разбивающих стены ударом пальца – тем не менее он чувствовал себя на жаре гораздо бодрее нас, при случае мог оглушительно рывкнуть (в некоторых старых техниках Шаолиня используется особый энергетический крик), а руки его вполне соответствовали известной формуле «мягкие, как пух, но жесткие, как железо» – двигался он очень мягко, внешне никак не напрягаясь, но все, на ком он показывал приемы и объяснял удары, утверждали, что его предплечья словно сделаны из дерева. Кроме того, во взгляде у него было порой нечто, заставляющее не то чтобы бояться – нет, как-то относиться очень внимательно, без самоуверенности и демократичной фамильярности. Когда он подходил к тебе поближе, чтобы поправить стойку или подсказать движение, ты начинал чувствовать себя очень незащищенным. И в то же время Фу никогда не был злым или раздраженным – всегда хитро ухмылялся, раздавая учебные пощечины (такая техника, терпи, бледнолицый), посмеивался над нами, наблюдая попытки правильно сесть в стойку мабу (аналог кибадати в каратэ). Когда было особенно жарко, он сам приносил нам пару термосов с кипятком – холодную воду во время тренировки пить нельзя, а горячую – можно и даже полезно. Надо отдать должное нашим девчонкам – тренировались наравне со всеми, без всяких скидок, а порой, может быть, и более терпеливо, чем парни. И Фу также не делал им никаких поблажек, разве что не лупил по физиономии и руки не заламывал – предпочитал отрываться на Сан-Сеиче, как на наиболее опытном и активном в вопросах из нас. Естественно, что А.М. сам с нами не тренировался, лишь иногда помогал с переводом, сочувственно поглядывая на наши бардовые лица и мокрые футболки.

Если бы не Ши Дзян, конечно, Фу замучил бы нас уже за неделю. Ведь он мало общался с иностранцами, пожилой крестьянин ортодоксальных взглядов – он никак не мог понять, как можно выучить комплекс (набор движений – таолу, ката) «примерно», чтобы

потом, в России, отрабатывать его до нужной кондиции. И если бы не просьбы Дзяна «просто показывать технику, а там они сами разберутся», боюсь, мы бы все тренировки посвятили одной лишь стойке мабу, в которую, по большому счету, нормальному длинноногому европейцу сесть правильно практически невозможно – даже сейчас, по прошествии шести лет, и то находишь, что еще можно в ней улучшить и какие еще неизвестные тонкости расположения суставов и связок, оказывается, существуют. Можно лишь гадать, какие порядки царили в обучении шаолиньских монахов век или более назад, когда времена были жестокие и голодные, и порой от уровня подготовки зависела вся жизнь. Правда, тогда и времени у людей было больше – куда торопиться монаху, долгие годы не выходящему за стены родного монастыря?

Утренняя тренировка закончена. Хлюпая лужицами собственного пота, мы благодарим учителя Фу – «Се-се, Фу лао-ши», и уставшие, но довольные, плетемся домой. (В 97-98-м годах мы тренировались на территории спортивной школы, возглавлял которую – формально или нет – сам Ши Дзян. Конечно, подростков обучал не он, а молодые инструктора-спортсмены. Самому Дзяну, похоже, было откровенно скучно появляться изредка на этапных соревнованиях и символизировать собой авторитетное монашеское жюри. А в 2001-м школу и вовсе снесли). Проходим вдоль боковой, восточной стены монастыря и оказываемся на центральной аллее, в гуще торговцев фруктами и лавочек с сувенирами. Время – одиннадцатый час, жизнь кипит вовсю. До обеда еще далеко, в запасе пара часов свободного времени, а выбор развлечений весьма широк. К концу тренировки всем казалось, что сил уже нет, но теперь, когда мабу и гунбу отложены до вечера, неожиданно возникает вдохновение к приключениям. Конечно, на крайняк можно вернуться в номер и в блаженном оцепенении проваляться часик, давая отдых ногам; можно купить пачку мороженого и в блаженном ничего-неделании просидеть часик в теничке, наблюдая за одной из тренировок в спортивной школе (есть две вещи, на которые можно смотреть бесконечно – горящий огонь и как другие работают...); но можно выбрать и более активный отдых. Экстремалы полуденного пекла могут рвануть на гору Шаоши к пещере Бодхидхармы (мы говорили – «на пещеру Дамо») – час туда, час обратно, и если у вас здоровое сердце, то килограмм сброшенного веса вам обеспечен; любители экзотики могут достать из кармана смятый билет, купленный при первом въезде в Шаолиньскую деревню – по нему один раз бесплатно разрешается посетить храм, птичник (да, построили и это), канатную дорогу на гору второго патриарха, Зал Тысячи Архатов – ну, или караоке, на худой конец. Но обо всем этом – чуть позже... Для тех же, кому не чужд дух азарта и театрального авантюризма, ходить далеко не обязательно – достаточно просто посетить РЫНОК.

Глава 8

«Торгуйтесь, но не размножайтесь!»

Девиз хунвэйбинов.

О, китайский базар! Средоточие сансары, круговерть красок и смешение запахов, шум, антисанитария и легкий аромат загадочности – все это по колоритности может сравниться только с китайским вокзалом, уступающим пальму познавательного первенства китайскому музею – с той лишь разницей, что вокзалы и музеи есть в Китае все же не везде, а вот рынок – ВЕЗДЕ. Разве есть в мире страна, где бы не продавались китайские товары? Умение торговать у китайцев в крови, для огромной массы простых людей рынок – дом родной, они буквально живут за прилавком. Это нелегкий хлеб, но, судя по всему, китайцы не склонны унывать и полны энергии навесить лапши на уши любому прохожему в попытке заработать юань-другой. И – удивительное дело – на них как-то не очень хочется обижаться, может быть потому, что коммерческий обман всегда вершится весело и ненапряжно.

Культура обслуживания... Это почти как искусство обольщения, не так ли? Я прошу

прощения, но мне уже больше тридцати, и я хорошо помню советские магазины конца 70-х – начала 80-х. Говорят, что если бы мы не поссорились в свое время с Китаем в период холодной войны и соединили бы свою тяжелую промышленность с их сельским хозяйством – Америка сейчас бы отдыхала в джунглях Миссисипи. Мощная пищевая индустрия, динамичная легкая промышленность и армия умеющих торговать и обслуживать людей – прибавьте либеральную политику партии в экономике и свободу иностранным инвестициям – и Дэн Сяопин вывел Китай едва ли не на первое место по темпам экономического развития в мире.

Нет, я не голодал в детстве, я жил хорошо. Но мое сердце всегда сжимается при виде каменного лица той самой женщины за прилавком, готовой убить разделочным ножом любого, кто скажет лишнее слово по поводу цвета кефира или веса кулька карамелек «Зуб за зуб». Конечно, сейчас все немного иначе, рынок давит тормозов от коммерции, но все же – дорогие российские продавцы! Будьте ласковее к покупателям, будьте общительнее и предупредительнее – и бабки придут к вам!

Торговля с китайцами – это немного игра. Ты знаешь, что он слегка надувает тебя – ну, в два-три раза от стоимости, не больше; он знает, что ты это знаешь, и вы оба знаете, чем примерно кончится торг – и все же торг происходит. Таков закон рынка, ведь в результате у вас обоих создается иллюзия проделанной работы, выигранной партии – и жить веселее.

В 97-м почти вся центральная аллея Шаолиньской деревни была заставлена ларьками, лавочками, мелкими магазинчиками, ресторанчиками, фруктовыми развалами, мастерскими художников, повозками мороженщиков, штативами телескопов (за два мао посмотреть на гору Дамо) и т.д и т.п. Торговля кипела и произрастала вовсю. Одним из наших предобеденных развлечений было окунуться в этот котел товарно-денежных отношений, отнюдь не наживы ради, а скорее для души. Вот лишь несколько моментов из жизни лаоваев.

Безусловно, превалирующие по количеству товары – сувениры и оружие. Четки наручные, нашейные, четки с огромными, как сливы, зернами; четки из сандала, из пластика, из камня, из стекла, поддельного нефрита и яшмы... Всякого рода погремушки и амулеты – для здоровья, на счастье, к богатству, для похудения и наоборот, к забеременению... Статуэтки Будд и Боддхисатв, колокольчики и чаши для подаяний, всех размеров монашеские одеяния и обувания, благовония всех ароматов и цветов, деревянные рыбы (для отбивания ритма во время буддийской службы, конечно – специальный инструмент, выдолбленный из цельного куска дерева и полый внутри, с колотушкой в комплекте) и рисовые подушки для сидения... Шары катальные для катания по ладони – особенно полезны гитаристам для развития гибкости кисти; веера от карманного до огромного – размах крыльев как у американского кондора... значки с буддийской символикой, майки с надписью «Чань» или «Любовь», смотря кто что предпочитает... Оружие – вполне достаточно для вооружения армии тайпинов, хотя большая часть его не выдерживает классификации «холодное оружие» – хрупкая или мягкая сталь, отсутствие заточки. Однако продают и увесистые острые катаны – прямо на улице, покупай кому не лень! И надо сказать, никому и в голову не приходит учинить вооруженный дебош по пьяной лавочке – нет, по улицам можно ходить совершенно спокойно даже ночью, разборки с кухонными топориками остались лишь в гонконговских боевиках. По слухам, мафия в Китае все же есть (Триада), но она настолько сплелась с политикой и крупным бизнесом, что простым людям ее не видать, а милиция и законы очень жесткие, хулиганство и мелкое мошенничество сведено к минимуму.

Оружейные развалы – раздолье для ушуистов. Шесты, мечи всех видов и размеров, пики, топоры, цепочки, цепи, хлысты и еще много видов вооружения, перевод названий которого на русский язык пока еще не определен... Естественно, как дань современности, много спортивного инвентаря – груши, перчатки, защитные шлемы, одежда для парадных выступлений. По меркам Красноярска все очень дешево, правда и качество зачастую соответствующее.

Подходим к мечам. Хозяин бросается навстречу, возбужденный таким количеством

лаоваев. Он хватает самый дорогой и нам совершенно не нужный меч и начинает долбить им по железной трубе, демонстрируя отсутствие зарубок (на мече, конечно). Мы скептически молчим. Появляется другой меч, который сгибают в кольцо – смотри, фрэнда, какой гибкий! – всего за сто юаней. Мы делаем круглые глаза – сто юаней? Ха, да пятнадцать – красная цена этому кривому пыльному мечу. Хозяин кипит от возмущения – кривой?! пыльный?! Да я вам... Восемьдесят юаней, пусть огнем горит ваша лаовая страна, и кстати – вы откуда? Из России. А, русские! Хозяин расплывается в широкой улыбке – карашо! Сталин! Е-ли-цин! Да, да, вяло киваем мы, Хрущев, Горбачев, сорок юаней и отдаешь нам меч, гори огнем твоя кривая хэнаньская рожа. Борьба чувств, вид доставаемых бумажек катализирует процесс и мы уходим с мечом, оставляя в коричневых цепких руках сорок пять китайских рублей. И ведь это было понятно с самого начала!

Следующий прилавок завален сувенирами. Некоторые из них пищат, некоторые мелодично стрекочут, прочие молча пылятся врассыпную. Нам приглянулись позолоченные колокольчики с фрагментами сутр на боках. Но мы берем первую попавшуюся курильницу и начинаем пристально и дотошно ее рассматривать. Хозяйка, тертая смуглая дама лет сорока пяти, затаилась в глубине лавочки подобно опытному пауку и ждет, пока добыча начнет дергаться в паутине собственного интереса. Мы хладнокровно молчим, придирчиво изучая все заусеницы курильницы. Напряжение понемногу нарастает. Наглядевшись на в общем-то неплохую вещь вдоволь, мы изображаем глубокое разочарование и медленно поворачиваемся к выходу... Двумя стремительными прыжками хозяйка настигает нас с криком «Эй! Эй! Вам отдам подешевле!» За сколько, апатично интересуемся мы. За двадцать! Это близко к истине, но раскрывать карты еще рано. Ну, мнемся мы, цвет-то не очень, вот тут вроде трещинка, не знаем, не знаем... Пятнадцать! – это почти правда, но мы грустно качаем головой и норовим уйти. Хозяйка перекрывает выход нехудым телом и, явно отрывая от сердца, выносит приговор – двенадцать! Один из нас делает вид, что срочно пора идти и тянет за руку остальных – мол, хватит возиться, пошли. Мы делаем пару шагов к двери, у хозяйки микроинсульт... и тут наносится решительный удар: резко разворачиваемся и выдаем без задержки – платим двадцать, но еще два вон тех колокольчика впридачу! Этого она не ожидала и лихорадочно подсчитывает: двадцать больше, чем двенадцать, но колокольчики-то по пять, а вдруг не купят, а, была-не была... Так свершается сделка, и стороны расходятся по своим делам, еще несколько секунд соображая задним числом, а не прогадали ли чего в пылу оживленной торговли.

У фруктовой лавки почти немая сцена: Миша Натуральный по-китайски почти ни в зуб ногой, но внушительный рост и харизматически злодейская внешность позволяют обрести психологическое преимущество. Происходит примерно такой диалог:

Миша: – Сколько стоит цзинь абрикосов?

Продавец: – Пять мао. (мао – это десятая часть юаня)

Миша: – А четыре цзиня?

Продавец: – Два юаня.

Миша: – Давай четыре цзиня за юань и пять мао!

Продавец: – Нет, давай за юань и семь мао!

Миша: (от волнения слегка забывая счет) – Нет, давай за юань и восемь!

Продавец бледнеет, он понимает, что это какой-то неслыханной хитрости коммерческий ход, и под грозным мишкиным взглядом отдает за полтора юаня. Под всеобщее хихиканье Миша с достоинством удаляется с абрикосами, гордо озирая китайцев с высоты голубиного налета.

Были среди продавцов наши или А.М. уже давние знакомые, не первый год работающие здесь. Они всегда делали нам скидки и вообще относились очень дружелюбно. К тому же дружба с лаоваями явно делала рекламу их бизнесу и потому была им на руку. Возвращаясь домой после тренировки, можно было взять арбуз в кредит – деньги отдать завтра или по частям.

По дороге домой усаживаемся на каменный парапет передохнуть минутку в тенике,

вполглаза поглядывая на проходящих мимо китайских девчонок – группа туристов, они направляются на экскурсию в храм, все в одинаковых ярко-желтых бейсболках – чтобы не растеряться в толпе таких же идентично-черноволосых земляков. Да, здесь у китайцев и других монголоидов большие проблемы: ведь девяносто девять процентов из них – жгучие брюнеты, и выделиться в толпе непросто. Встречаются рыжеватые китайцы, но крайне редко. Как выход, сейчас модно краситься – в рыжий, красный, желтый, порой даже фиолетовый оттенок. Кроме того, в отличие от России, принято или допустимо одеваться весьма ярко – ядовито-зеленые майки, ярко-желтые или почти фосфоресцирующе-розовые штаны; у женщин, конечно, выбор средств богаче – цветастые платья, мелированные волосы, всякие платочки-сумочки цвета колибри и так далее... У нас неизменно вызывали смех носки у некоторых мужчин – создавалось впечатление, что их сделали из женских подследников, лишь подтянули на голень. Но самих китайцев это не волновало – летний вариант, практично.

Бывают и редкие, запоминающиеся встречи. Однажды сидим около нашего завсегдашнего ресторанчика, дожидаясь запаздывающих членов группы. Подходит дедуля, лет семьдесят, седенький и тощенький, в потрепанной одежде и с котомкой за плечами. Что его привлекло в нас – непонятно, в Шаолине иностранцев немало. Тем не менее завязался разговор, выяснилось, что по молодости он пел в Пекинской опере, профессиональный артист. Когда мы поинтересовались, какие именно роли он исполнял – ведь в пекинской опере у каждого артиста строго определенное амплуа, причем в древности все женские роли исполнялись мужчинами – дедок просто отложил рюкзачок и тут же, посреди бредущей толпы туристов и праздных зевак, завел высоким голосом какую-то традиционную мелодию, пританцовывая и подыгрывая себе руками, и делал это весьма умело. Из текста мы не поняли почти ничего – поэтический вэньянь, язык поэтов и философов, почти так же сложен, как древний санскрит – но были зачарованы искусной сменой тонов и неожиданно тонким звонким голосом старого артиста. Допел до конца, подхватил котомку и пошел своей дорогой, подарив нам на прощание щербатую улыбку. Собравшаяся было поглазеть кучка прохожих автоматически рассосалась...

Вечером, когда тысячи звезд рассыпаются по черному небу над горами Суншань, когда лягушки практикуются в вокале и свежий ветерок разгоняет воспоминания о полуденном мареве, мы собираемся в одной из комнат попить чайку, подвести итоги дня и поделиться впечатлениями. У каждого накопилось масса наблюдений за китайской жизнью, кто-то приобрел новые знакомства, кто-то обнаружил магазинчик, где ушуистские кеды на юань дешевле, чем везде... Почти всегда на компанию покупался арбуз, как всегда в Китае – большой и сладкий; но иногда отрабатывались и другие варианты – например, помидоры с луком. Да, это сочетание, как ни странно, оказалось весьма плодотворным для нашего интернационального вкуса: огромные спелые помидоры (а-ля минусинские) и столь же крупный розовый, совершенно сладкий и не едкий лук головками – вместе с пресной лепешкой и солью (оставшейся еще с поезда) создавали нам ностальгическое ощущение родины в этом экзотическом краю. Конечно, никто не порывался сыграть на балалайке, но поймите правильно, за несколько дней непрерывно-экстремального общения с чужой культурой на чужом языке хотелось хотя бы на часик почувствовать себя дома, где нет необходимости быть в каждый момент готовым ринуться по жаре с рюкзаком из пункта А в пункт Б, по пути внятно объясняя продавцам и таксистам, что именно ты от них хочешь.

Единственная лампочка тускло освещает комнату, где расположились все одиннадцать участников поездки, жутко скрипит вентилятор, с видимым радикулитом поворачиваясь на подставке и обдавая нас волнами теплого воздуха, под потолком танцуют безумный танец мухи и мотыльки, изредка шмыгает под ногами шпионка-многоножка... К счастью, в центральном Китае напрочь отсутствуют комары и москиты, иначе спать было бы невозможно. На маленьком столике с трудом теснятся чашки с чаем, термоса с кипятком, арбузные корки и дары местного кондитер-прома: вяленые финики, мармелад из соепродуктов, печенье-галеты. Посреди всего этого гордо топорщится только что открытая

баночка назаровской сгущенки (пробовали угощать местных – вежливо кивают головой, но от добавки всячески отказываются – слишком сладко на хэнаньский вкус). Беседа вьется вокруг наболевшего – кому сколько раз сегодня старик Фу съездил по мордасам на тренировке, у кого насколько отнимаются ноженьки после марафона до пещеры Дамо, почему нынче прямые мечи-цзиэни и почему некоторые архаты в Зале Тысячи Архатов зеленого цвета. Позеленели от времени? Питались крапивой, как великий тибетский йог Миларепа? Остатки прежней, доледниковой расы? Инопланетяне? Кто-то из девчонок высказывается в том смысле, что еще пара тренировок при тридцатиградусной жаре, и они сами станут такими же... Речь заходит о различиях в строении тазовых костей европейцев и китайцев. Предлагается сложить Роберта пополам, чтобы убедиться, что он при этом достает зубами до носочков ног. Роберт горячо возражает против этого акта вандализма.

Неожиданно на пороге комнаты возникают два полицейских с не очень-то приветливыми лицами. В чем дело? Проверка документов. Понятно – скоро присоединение Гонконга, ожидаются массовые празднества, а где массовые гулянья, там могут быть и массовые беспорядки. Строго говоря, в Шаолине, как и в других туристических местах, официально не одобряется проживание иностранцев в таких захолустных постоялых дворах, как наш; однако, если хозяин ловкий малый и имеет знакомства среди чиновников, то на это смотрят сквозь пальцы. А.М. показывает наши паспорта и визу, нас пересчитывают и этим удовлетворяются. Вообще в Китае людей в форме гораздо больше, чем в России – кто-то же должен следить за порядком среди полутора миллиардов граждан; кроме того, на службе тебе гарантированно платят, часто еще одевают и кормят – как в армии – а это большая ценность в Китае, где слои бедноты все еще велики, и найти работу нелегко – высокая конкуренция. Много военных, много полицейских, много всяких «промежуточных» служб типа почты, охраны, персонала гостиниц и ресторанов и т.п. и т.д. Форма дает человеку власть, она поднимает его на полголовы выше общей массы прохожих – что еще нужно простому китайцу, черты индивидуальности которого и так голографически продублированы на десятки тысяч живущих рядом земляков?!

Глава 9

*«Конечно, я хотел встать и уйти -
но было поздно, ноги затекли!»*

Боддхидхарма.

Раннее утро. Цикады проснулись еще не все. Нам явно повезло – легкий туман скрадывает жаркое даже на восходе солнце, ветерок приятно бодрит, долгий гул монастырского колокола тянется нам вслед. Все ушли на тренировку, лишь я, Андрей и Володя решили сегодняшнее утро потратить на другое. Мы перелезим через каменный забор нашего постоянного двора и через гаоляновые и фасолевые поля выдвигаемся к горе Шаоши, через середину которой вьется узкой змейкой каменная лестница наверх – к пещере Дамо. У нас две камеры и фотоаппарат, одеты мы одинаково – футболка, черные широкие тренировочные штаны, прихваченные шнурками у щиколоток, и китайские кеды. Вероятно, проходим крестьянам мы кажемся близнецами, также как порой взгляд европейца с трудом находит отличия в толпе китайцев или корейцев. Вчера вечером было бурное чаепитие с поеданием арбузов и местной сдобы (ее готовят специально в расчете на иностранцев), поэтому Андрюха и Вовка, которые вдобавок еще и злоупотребили местным вариантом «Спрайта», с тревогой прислушиваются к ощущениям в животе. Однако мы продолжаем движение.

Природа в Шаолиньской долине удивительно гармонична – не зря для строительства монастыря было выбрано именно это место. Законы фэн-шуй явно реализовались здесь в полной мере на благо медитирующим монахам. Горные склоны за долгие столетия

оформлены ступенчатыми террасами, засаженные культурами и пирамидальными кипарисами, кустарниками и бамбуком. Охристая глина, голубоватые кипарисы и темнозеленые магнолии (или их китайский аналог) составляют в лучах утреннего солнца удачную композицию, слегка смягченную пастельными слоями тумана, постепенно разгоняемого ветерком. Шум центральной аллеи остался далеко позади, лишь цикады и птицы, а иногда стрекот мотоцикла нарушают спокойствие окрестностей.

Впереди проявляется контуры старинной загнутой крыши – это дом первого патриарха Шаолиня, какое-то время после девятилетней медитации в пещере Бодхидхарма жил здесь. Сейчас это действующий женский монастырь – да-да, есть в Шаолине и монахини. Правда, они не тренируют кунфу, но цигуном занимаются. В тот день ворота в женский монастырь были закрыты, и мы прошли мимо (мне удалось побывать внутри лишь четыре года спустя). Дорога постепенно забирает круче вверх, появляются отрезки каменных лестниц.

Вместе с этим погода начинает активно портиться – из-за горы выползает туча, ветер усиливается. Нас дождь не пугает, но если так пойдет и дальше, то съемку придется прекратить. Минуем одну террасу за другой, дыхание непроизвольно учащается, навстречу изредка попадаются группки туристов – спешат свалить с горы, пока не грянула гроза. Вовку с Андреем начинает штормить, но даже тошнота не умаляет их решимости завершить восхождение.

И вот мы у подножия Шаоши. Отсюда начинается свой путь каменная лестница длиной около километра – зигзагами и спиралями она восходит на вершину, на высоту около 300-400 метров. На обочине прямо из скалы растет какой-то местный саксаул, засохшая коряга, под которой на плоском камне местные смотрители написали красными крупными иероглифами «Государственная собственность – руками не трогать!» Андрюха и не стал трогать его руками, его просто вывернуло наизнанку на эту ботаническую окаменелость. Мы с Вовкой хихикаем, после чего Вовку тоже выворачивает, хорошо что он вовремя успел выключить камеру. Позеленевшие Вовка с Андрюхой дышат, как рыбы на песке, я деликатно снимаю окрестности в другом направлении. Отказались ли мы от дальнейшего путешествия? Конечно, нет.

Ветер крепчает, туча над нами похожа на жирного черного дракона, собирающегося свалиться с гребня горы в долину. Пробрызгивают мелкие капельки воды, пару раз вдалеке ухает гром. Ступеньки ползут под ноги медленно, все они неровные, щербатые, разной высоты. Камеры выключены и завернуты в полиэтилен. Я иду впереди, как меньше всех выпивший вчера газировки, сзади время от времени раздаются неудобоваримые звуки выходящей наружу дурной кармы. Кое-где лестница обрамлена железными перилами, за которые мы хватаемся и подтягиваем себя вверх, чтобы облегчить работу ногам.

Громовой удар раскалывает небо. Ветер дует рывками и в разные стороны, норовя скинуть нас со ступенек, дождь льет уже всерьез, и не только сверху, но и сбоку и даже иногда снизу. Туристов уже нигде не видать, лишь мы упорно лезем вверх.

Уже близко к вершине ветер начинает кидаться дождем и мелким мусором, срывает панамы с наших голов, молнии разрываются где-то под ухом. Принимаем решение укрыться за огромным валуном и переждать бурю. Внизу, в направлении долины – серая непроницаемая взвесь воды и ветра, изредка озаряемая вспышками молний. Настроение – великолепное, особенно у Андрюхи и Вовки, которые, кажется уже, простите, проблевались.

Все заканчивается также быстро, как и начиналось. Туча редет, стихает ветер, дождь переходит в морось и постепенно увядает. Свежесть заполняет все вокруг, внизу тает пелена и можно иногда различить зеленые пятна – это крыши храма. Мокрые и бледные, мы выползаем из своего убежища, отряхивая камеры и разминая затекшие ноги.

Последний рывок очень короток по сравнению с предыдущим путем – и вот мы на вершине. На тесной площадке установлена беседка в традиционном стиле, чуть ниже – четырехметровая статуя Бодхидхармы из белого камня, которую хорошо видно на фоне темных кустарников даже с противоположной горной гряды. Отсюда открывается вид на долину за перевалом, соседнюю с Шаолиньской. И пусть высота этих гор в общем-то

невелика – где-то 1500 м над уровнем моря – тем не менее это сильное впечатление для любого путешественника! В блаженном созерцании, несколько минут просто сидим в беседке, отдыхая и питаюсь пейзажем. В общей сложности восхождение заняло у нас около полутора часов, вместе с вынужденной передышкой у валуна. Значит, налегке – без съёмок и остановок – можно забежать наверх минут за сорок. Гроза ушла на юг – за гору Лежащего Будды, что теснит Шаолинскую долину с противоположной от нас стороны – и там громыхает своими гигантскими хлопущками, которых так много на празднике Весны...

Спускаясь вниз, естественно, заходим на смотровую площадку, в глубине которой и расположена пещера Бодхидхармы. Сейчас эта небольшая дырка в скале обрамлена каменной аркой, сделаны ступени, внутри стоит скамейка и алтарь с небольшой бронзовой фигурой Дамо – а ведь полторы тысячи лет назад сюда, возможно, не вела даже тропинка! С волнением входим внутрь. Пространство очень маленькое, по площади – со среднюю советскую кухню, только стены склоняются друг к другу, скругляя потолок. В пещере – с восьми до пяти – постоянно дежурит монах или монашка, принимая поклоны на алтаре и скупно отвечая на вопросы. На ночь дежурный запирает деревянные двери на висячий замок. Однако самой большой ценности в пещере уже нет – ее перенесли в один из залов Шаолиня. Речь идет о куске скалы, на котором, если верить легенде, запечатлелось изображение самого Бодхидхармы – так долго сидел он перед стеной и такова была сила его медитации. Действительно, камень стоит в Шаолине и на нем при пристальном рассмотрении можно разглядеть образ бородатого благообразного индийца с закрытыми глазами. Однако сейчас никто уже не скажет, является ли этот камень историческим артефактом или искусно сделан горячими сторонниками буддизма немного позже. Да это и не важно – как и многое другое в истории и мифологии Поднебесной, сама идея легенды оправдывает ее существование.

Последний перед спуском взгляд на панораму Шаолинской долины – хмарь рассеялась, крыши храма как на ладони – и с чувством какой-то особой душевной полноты мы делаем шаг вниз по лестнице. Далекие от религиозного фанатизма, мы все же понимаем, что нынешний день – особый в череде прочих, и не забудется никогда. В подтверждение этому, первый за сегодня лучик солнца пробивается из-за туч и освещает нам дорогу.

Каждый день в Шаолине идет за неделю дома. Нас знают уже почти все продавцы, хозяин нашего ресторанчика обслуживает нас в кредит, мы бесплатно заходим в храм – а часто и со служебного входа; все загорели и слегка исхудали – тренировки и походы по горам. Китайская речь приобретает все больше смысла, да и сами мы заметно подтянулись в произношении фраз «Это слишком дорого, давай подешевле» и «Мы русские, занимаемся кунфу». Постепенно растворяясь в китайской реальности, начинаем лучше понимать реальность российскую. Все вдруг осознают уровень напряженности и подавленности большей части нашего народа; однако с другой стороны, такая редкость в Китае встретить открытого и бескорыстно доброжелательного человека! Возможно, это лишь реакция на наш туристический имидж, но желание заработать на тебе вызывает порой непреодолимую аллергию.

В один из дней А.М. собирает всю группу для визита к своему учителю. Вечером, уже почти в сумерках, мы подходим к боковому служебному входу в монастырь – центральные ворота закрываются в шесть. Дежурные полицейские нас хорошо знают, поэтому спрашивают о цели посещения скорее для проформы. Входим внутрь, минуя часовую башню – самую высокую в Шаолине, в которой находится колокол, в древности отбивавший стражи – каждые два часа. Сейчас башня закрыта на реставрацию, и звонят в другой колокол – поменьше. Во дворах непривычно тихо, лишь где-то недалеко слышны сухие хлопки – кто-то из монашеской молодежи тренирует тхао-лу – комплексы упражнений кунфу. Приходит на ум, что тысячу лет назад вечерами здесь было оживленней – ведь тогда контингент монахов достигал нескольких тысяч человек! Перед глазами проплывают кадры из многочисленных гонконговских фильмов про Шаолинь – сотни учеников, с яростными криками отрабатывающими смертельные приемы; благообразные седобородые шифу – мастера, с достоинством прохаживающиеся под сенью платанов в длинных шафрановых рясах;

потайные подземные коридоры, где претенденты на звание монаха бьются с коварными деревянными манекенами... Замечтавшись, едва не промахиваюсь мимо очередной каменной лестницы, круто уходящей из-под ног вне поля видимости... Да-да, мечты мечтами, а бдительность терять нельзя.

Темнеет очень быстро – к тому времени, как мы добираемся до старого покосившегося двухэтажного строения, небо становится почти черным. Темные кирпичи, протянута веревка для белья, где-то работает телевизор – ничем не вдохновляющее зрелище, однако мы ни разу не были в гостях у монаха и нам все интересно. Дверь занавешена соломенным жалюзи, изнутри пахнет чем-то съедобным. Первым заходит А.М., следом мы...

Ши Яншань – пожилой монах, ему уже за шестьдесят. Простая внешность крестьянина (он и был им ранее), широкие скулы, натруженные руки. Очень спокойный, но без важности; говорит по-хэнаньски так, что мы понимаем лишь одно слово из пяти. Убранство маленькой комнатухи подстать хозяину – пара табуреток, посуда, маленькая электроплитка, традиционный кхан – кровать из кирпичей, застеленная соломенной подстилкой, письменный стол и таз для умывания. На фоне общей утилитарности выделяется большой красивый алтарь из полированного дерева со всяческими буддийскими причиндалами – подарок ученика из Японии. Пока мы таращимся по сторонам, разглядывая несколько каллиграфических картин на стенах, Яншань суетится с термосами и чашками, намереваясь всех угостить чаем. Мы пытаемся ему помочь, насколько позволяет наше знание диалекта. А.М. понимает, естественно, больше нашего, он объясняет учителю, кто мы такие и зачем приехали в Шаолинь. Однако известие о том, что все мы тренируем кунфу, не производит на монаха никакого впечатления – во-первых, потому что сам он ушу не занимается, а во-вторых, потому что – и это вызывает уважение – ему глубоко по барабану вся эта громкая шумиха, связанная с шаолиньским кунфу, и он рад видеть нас в гостях просто так, за красивые глаза. Пьем чай, слушаем шепелявую хэнаньскую речь, размышляем о монашеской участи...

Почему люди уходят в монахи? Зачем строят монастыри? Не грустно ли им там живется? Ши Яншань – не из тех, кто прочтет умную лекцию по теории буддизма, он простой крестьянин и его сила в практике и живом примере, а не в пространных рассуждениях. Шаолинь известен по миру как центр боевых искусств, однако изначальное его предназначение – буддийский монастырь, место для медитации и выполнения буддийских практик. А монахи... Кто они такие? За небольшой срок пребывания в Шаолине нам довелось видеть разных. Молодежь – в основном пришедшая за громким именем бойца Шаолиня, полная сил и честолюбия – то, что называется «китайский дракон». Старики – тихие, незаметные, неохотно вступающие в беседу и явно уставшие от туристов. И молодые, и пожилые смотрят на иностранцев заметно свысока, не сомневаясь в их полной неспособности понять китайское кунфу (молодежь) или буддизм (старики). Ни наш тренер Фу, ни учитель Яншань к таковым не относились, но это скорее исключение. Немало среди монахов и таких, которых можно было бы назвать убогими – не в ругательном смысле, а скорее в прямом – «у бога» на попечении. Это люди, которые не смогли по разным причинам найти свое счастье в мирской жизни, не прижились в обществе, потеряли и уже не смогли обрести вновь семью – они выполняют в монастыре самые простые работы; здесь место, где от них не требуют профпригодность, где никто не упрекает их в нищете или низком интеллекте (хотя, конечно, кого попало в общину не берут – умалишенные или преступники остаются в ведении государства). А до самого последнего времени в Шаолине можно было зарабатывать деньги – некоторые монахи полулегально открывали свои платные школы кунфу, давали частные уроки, устраивали семинары за границей. Сейчас, в 2003-м, этот процесс понемногу пытаются упорядочить и подвести под государственный контроль...

А ведь изначально жизнь монаха заключалась совсем в другом. Монастырь задумывался как «чистое место», где человек мог бы отдохнуть от превратностей судьбы, навсегда или хотя бы на время отделиться от неразумной суеты общественных отношений, снять с себя бремя заботы о семье, о деньгах, о чести или мести, о ревности или ненависти...

Выполняя лишь минимум работы по поддержанию собственной жизни и функционированию монастыря, он обретал энергию для развития своего духовного сознания, обретал понимание законов мира и собственной души, устраняя тем самым внутренние конфликты. Возможно, следует пояснить читателю, что между христианскими и буддийскими монахами существует определенное отличие. Так, буддийские монахи могли покинуть монастырь или вернуться в мирскую жизнь в любое время – в соответствии с собственным желанием; во многих чаньских монастырях, в том числе Шаолине, соблюдение заповедей отнюдь не ставилось на первое место – главным всегда считалось понимание смысла учения, и порой это приводило к весьма нестандартным ситуациям, которые другими школами или конфессиями истолковывались как ересь; и наконец, по-моему мнению, принятие христианского монашества всегда проходило под знаком некоего наказания за грехи, наложения епитимий, раскаяния и обуздания плоти – да простят меня верующие христиане, если это слишком одностороннее впечатление – в то время как буддийское монашество изначально было ориентировано на просветление сознания, на воспитание любящей доброты и мудрости, а понятие греха, как таковое, не акцентировалось. Конечно, подробную лекцию по сравнительной теософии я легкомысленно опускаю.

Свобода монаха от общественных обязательств не бесплатна – существует около 250-ти обетов для монахов и еще на сотню больше – для монахинь. Основные из них совпадают по смыслу с принципами любой мировой религии (что лишний раз подтверждает единство человечества) – не убий, не укради, не прелюбодействуй, не солги и не злоупотреби алкоголем (или ему подобным). Монахам запрещено работать и участвовать в политике, они дают обет безбрачия и не должны иметь денег или личного имущества (кроме положенного по уставу монастыря – например, на Цейлоне устав ограничивает одежду монаха тремя накидками-рясами, имущество – чашкой для подаяния, иголкой с ниткой, бритвой и еще двумя-тремя предметами личной гигиены; в то время как в Бурятии или даже в Шаолине не обойтись без зимней обуви, печки-буржуйки и запаса угля). Многие из 250-ти обетов явно достались современным буддистам в наследство от прошлой эры и индийского жаркого климата – на их выполнение обычно не обращают строгого внимания. И правда, упомянуть бы главные, а мелочи типа сколько кому иметь посуды и на какой подстилке сидеть – это для монахов-бухгалтеров...

Но так или иначе, а основной вопрос, который задают себе современные люди при виде бритых монашеских голов – это вопрос «зачем?» Действительно, в век гуманизма, всеобщего образования, космических технологий и повсеместного превосходства науки над религией – зачем отшельничество? Как глупо запирается в тесных стенах монастыря, ограничивать себя в развлечениях, лишать себя радости любящих жен и подрастающих детей, нового автомобиля, блестящей карьеры, Интернета, кабельного телевидения, отпуска на курорте и Нобелевской премии! А в большинстве монастырей еще и запрещено употребление алкоголя и мяса! Жизнь без пива и девчонок?! Потратить лучшие годы на сидение со скрещенными ногами, распевание малопонятных санскритских текстов, подметание собственной кельи и заумные размышления буддийской метафизики?

Корень монашества заключен в глубокой мудрости, мудрости столь тонкой и неуловимой, что понять ее простым людям почти невозможно, как ребенку порой невозможно объяснить, почему нельзя дергать кошку за хвост или объедаться шоколадом – и то, и другое занятие приятное и веселое, так зачем же думать о последствиях? Наверное, многие монахи подобны человеку, который объелся деликатесами до отравления – для него пост является большой радостью, это лекарство, выводящее токсины из организма. Монастыри – это просто больницы для уставших душой, прибежища для отвоевавшихся, родной дом для выросших из коротких штанишек вечного соревнования за место под солнцем. По сравнению с городскими жителями монахи выглядят очень расслабленными, их лица не оскорблены печатью гордости или страха. Они словно хозяева в своем доме, в то время как многие так называемые «нормальные» люди похожи на непрошенных гостей в этом мире, которые заблудились в бесконечных коридорах судьбы и боятся, что их вот-вот

попросят вон. Нет, я не пропагандист монашества, просветленные люди есть и в миру – даже Будда говорил об этом – просто их трудно увидеть на фоне всеобщего безобразия. Хочется верить, что многочисленные искусные практики очищения ума, ранее доступные только монахам, в нашу эпоху действительно получают широкое распространение, также как умение писать и читать когда-то, и оздоравливают общество. Во всяком случае, ради такой идеи стоит работать.

Мы подарили Ши Яншаню сувенирный туесок из бересты и русские расписные ложки – в Китае подарки из дерева ценятся, ведь своего леса маловато. Время было далеко за десять и поэтому мы не стали более утомлять старого монаха своими расспросами, попрощались традиционно – поклоном, а не за руку – и вышли в ночь. В густой темноте пробираясь мимо залов Шаолиня, вдыхали особый аромат монастыря – немного благовоний, остывающего камня, старого дерева и свежей листвы – и думали каждый о своем. И хотя фонарей в Шаолине практически нет, бессменная луна светила нам всю дорогу мягким серебряным светом, неназойливо указывая путь.

Неделя в Шаолине подходит к концу, остается еще несколько дней. Видеокассеты заполнены почти до конца, бритье холодной водой и обливание из плошки в темной ванной стали привычкой, в храм заходим почти как домой (сильно сказано, конечно, но вахтеры уже не останавливают), местный климат и китайская диета (обилие овощей и фруктов плюс полстакана красного перца ежедневно) делают движения более легкими, а суставы гибкими. Россия представляется как далекая, диковатая страна, напоенная жирными котлетами, беломором, мрачноватыми комбайнерами, конкретными братками и бескрайними серо-зелеными полями... Нет-нет, лучше так: как далекая таежно-предзакатная даль, заполненная родными уютными девятиэтажками с горячим душем, стройными длинноногими блондинками на голубых мерцающих экранах, кондитерскими и бескрайними, бескрайними, бескрайними серо-зелеными полями...

Со временем начинаем понимать, что фактически сейчас существует два Шаолиня, каждый из которых живет своей отдельной жизнью, как две стороны монетки, как Инь и Ян. Первый – Шаолинь официальный, доступный туристам, журналистам и фотографам. В этом Шаолине преобладают молодые монахи, честолюбивые и гордые, монахи лишь номинально, скорее – спортсмены. Этот Шаолинь полон экзотики, красивых, заново отреставрированных залов с позолотой статуй и красным бархатом алтарей, полон показательных выступлений с хореографически грамотно поставленным ушу. Это платное обучение, зарубежные семинары, гляцевые обложки журналов, это политика и бизнес. Этот Шаолинь всегда открыт посторонним – были бы деньги.

Второй Шаолинь в тени. Его непросто увидеть, еще труднее туда попасть. Это то, что осталось от прежнего, древнего Шаолиня, его суть и основа. Это старые монахи, еще помнящие времена культурной революции, это буддийские службы дважды в день – в пять утра и в пять вечера, это традиционная техника кунфу – внешне не слишком впечатляющая, но зато тесно связанная с медитацией и буддийскими принципами. В этом монастыре нет места карьере и наживе, здесь учат смотреть внутрь себя, а не гоняться за множеством вещей. В этом монастыре, как ни странно, не так много романтики и экзотики – много кропотливой работы и терпения, зачастую без известности и признания.

Порой на тренировке у нас возникает чувство отчаяния – кажется невозможным правильно сесть в ту или иную стойку, кажется, что одной жизни не хватит для овладения очередным хитроумным приемом, что никогда нам не достичь легендарного мастерства великих учителей прошлого, что умели стоять на одном пальце, взглядом разрывали яблоко, в одиночку справлялись с толпой вооруженных противников... В такие минуты мы вспоминаем старого Ши Ян Шаня – ведь он совсем не тренировал кунфу, не убивал тигра ударом кулака, не выдерживал, как знаменитый кореец Ояма, по двести боев подряд... Нет, он просто каждое утро встает на службу, а днем отбивает в чашу поклоны туристов. Однако в его глазах мы видим недоступное нам пока спокойствие, он счастлив в своей нехитрой жизни, он что-то понял такое, что мы в спешке упустили...

Глава 10

«Одной из главных достопримечательностей Шаолиня являются русские туристы...»

Из путеводителя.

Несколько стоп-кадров:

В очередной раз поднимаемся на гору Дамо. Проходя мимо жилища первого патриарха, натываемся на ветхий шалаш-хижинку, собранный из бамбука и сухих прутьев. Печка-буржуйка, пара самодельных табуреток, какое-то белье на веревке. Дедушка и бабушка, лет по семьдесят, худые и седые. У нас бы их назвали бичами, здесь они – крестьяне, возможно, немного подзарабатывающие на туристах. Здравствуем. Улыбаются в три зуба, машут в ответ. А зимой-то как?

На одной из тропинок вбиты в землю два высоких и толстых кола, между ними натянута веревка. Девчонка лет пятнадцати ходит по ней взад-вперед, умело балансируя без всякого шеста. Внизу пацан помладше, наверное, брат. Денег за цирк не просят – сами тренируются. Ладно, удачи!

Кладбище шаолиньских монахов – аллея пагод в индийском стиле, на каждой каменная табличка, где с непостижимым мастерством вырезаны каллиграфически иероглифы – иногда краткая биография, иногда просто стихи, иногда кусочек сутры. Тихо, кипарисы недвижимы и вечнозелены. Заметив в проходе бабушку в грязно-серых брюках и футболке, автоматически навожу камеру на нее. Неловкая пауза в несколько секунд, затем она сердито разворачивается и уходит. Как-то нехорошо получается, чувствую себя папарацци.

В магазинчике за центральными воротами выбираем оружие. Хозяин с хозяйкой нас уже знают, поэтому спокойно беседуют о своем, предоставив нам полную свободу выбора. Но стоп-кадр в другом: на полу перед прилавком, в пыли и обрывках обеточной бумаги валяется карапуз лет трех в состоянии острой истерии и недовольства жизнью. Пацан орет благим матом, корчится, стучит кулаками по полу и размазывает сопли и слюни по чумазому лицу чумазыми же руками. Родители продолжают непринужденно беседовать, позволяя Мировому пространству поглощать килоджоули беспорядочной энергии расколбашенного соплемера. А может, так и надо?

Недалеко от самолета, подаренного Хрущевым Мао когда-то, идет ряд павильончиков, торгующих изделиями, претендующими на звание «произведений искусства». Художники, граверы, составители гороскопов. Один из них действует прямо на улице, ловя клиентов на вежливые манеры. Действительно, голос у него очень мягкий, разговаривает ненавязчиво и приветливо (у нас это, наверное, нереально на рынке – еще примут за голубого!). А делает вот что: в качестве исходного материала берется ваше имя на китайском (если такового нет, то моментом придумывается в соответствии с канонами китайской науки о именах), затем парень рисует небольшую графическую миниатюру черной тушью, но не кистью, а собственным ногтем! На пустом же пространстве листа составляется практически без раздумий шарада-стих с использованием иероглифов имени: стих записывается прямоугольным блоком так, что читать можно и сверху вниз по столбцам, и слева направо по строкам – и всюду получается какой-нибудь удачный смысл типа «Долгие лета господину Вану, недолгие – его теще, и чтоб поскорее приняли в Компартию...». Ловко, ничего не скажешь!

Зал Тысячи Архатов – не шаолиньский исторически, построен недавно за пределами храма специально для туристов. Но посмотреть есть смысл: начиная от Боддхидхармы и до наших времен, установлены глиняные, умело раскрашенные фигуры всех знаменитых буддийских святых и монахов. Примечательно, что все они разных рас – цвета кожи варьируются от черной до светло-голубой, декларируя факт, что буддистами были не только

люди, но и боги, демоны и даже негуманоидные существа. Снимать в зале запрещено, поэтому мы, естественно, засняли все что только могли...

Большой колокол в Шаолине на ремонте, и заперт в Часовой Башне на висячий замок. Вход туда, конечно, запрещен. Поэтому как-то ночью наши, естественно, пролезли через щель в воротах и немножко в него позвонили...

В монастырской столовой едят, конечно, только монахи. Посторонним вход туда запрещен – монахам нельзя отвлекаться от процесса приема пищи. Поэтому как-то раз Ши Дэян провел туда наших, и они вместе с ним слегка позавтракали...

Рядом с главными залами монастыря находятся внутренние дворы, где живут монахи и обслуживающий персонал. Вход туда туристам, а тем более иностранцам, запрещен. Поэтому как-то раз мне удалось побеседовать и заснять на камеру одного из старейших монахов Шаолиня (ныне, увы, уже покойного) – Ши Суюня, ровесника Ши Суси – старшего монаха, после смерти Дэчэня долгие годы выполнявшего роль настоятеля. Суюнь сидел в инвалидном кресле и наблюдал, как рабочие таскают доски для ремонта зала Трех Будд. На просьбу заснять совместно отреагировал вполне положительно, не преминул поинтересоваться стоимостью камеры и моей национальностью. Один глаз старого монаха был наполовину закрыт бельмом, лицо было изборождено глубокими морщинами – видать, жизнь обходилась с ним не очень ласково; тем не менее он не строил надменных мин при беседе с мальчишкой, по его меркам, да еще иностранцем, и не потребовал денег за съемку (редкость в Шаолине). А ведь он один из старейших носителей традиции, ровесник знаменитого Дэгэня (того самого, что в плохом настроении разрывал яблоки взглядом). Надеюсь, на его могиле построили красивую пагоду!

В школе Дэяна соревнования, мы идем снимать. Подростки разминаются на большой площадке недалеко от восточной стены монастыря, щелкают шесты, звенят мечи-шелестяшки из тонкой стали. Особнячком от всех с серьезным видом машет шестом пацаненок от силы пяти лет – усилия в движениях, естественно, никакого, но стойки все знает и шест держит правильно. Приходит на ум: эх, а ведь мы в пять лет знали лишь, что каратэ и джиу-джитсу – подлая и опасная манера пинаться ногами, которой владеют все без исключения японцы и китайцы. И никто не объяснял нам, как нужно дышать и стоять, а первый фильм про Шаолинь появится в «Клубе Кинопутешественников» лишь в 1988-м! И загубили детство волейболом физруки!

Володя и я, в две камеры, обходим днем залы Шаолиня – красный индикатор записи заклеен пластырем, камера невинно болтается на ремне через плечо, как будто так и надо – снимаешь, а никто и не понимает. Внутри залов довольно сумрачно, так что качество записи не всегда удовлетворительное. Зато в эксклюзиве не откажешь! Снимаем фрески, которым не менее тысячи лет – монахи тренируются во дворе, странные стойки, непохожие на современное кунфу, но приемы узнаются. Видимо, художники отнюдь не гнались за реализмом, стремясь скорее передать дух движения, а не фотографическую пластику. Большинство фресок в ужасном состоянии – поблекшие, местами стертые, местами исчерканные чьими-то варварскими надписями. Возможно, сейчас просто не знают, как их реставрировать, и ждут, пока фрески окончательно не обветшают, чтобы на их месте нарисовать свежие копии. Говорю это потому, что прочие детали убранства храма активно реставрируются – крыши, колонны, стены и многое другое.

В некоторых залах, дождавшись, пока схлынет очередная группа туристов, делаем поклоны. По сути своей, выполнение поклонов – очень интимное занятие, не терпящее спешки и показной формальности. В каждом буддийском храме есть залы с алтарем – это возвышение, на котором может стоять статуя Будды или одного из буддийских святых, зажжены свечи или хотя бы благовония. В разных местах вся эта атрибутика сильно варьируется по размерам и богатству отделки. Для поклонов перед алтарем ставится скамеечка или подушечка под колени, иногда просто рисовая подстилка. Любой желающий (совсем не обязательно буддист) может подойти, взять из пачки несколько палочек-благовоний, зажечь их и воткнуть в чашку с пеплом, где уже обычно догорают

несколько таких палочек; после чего следует сложить ладони на уровне груди и поклониться алтарю (или Будде) стоя; затем делается три или более поклонов с опусканием на колени: сначала на землю ставится одна ладонь и колено, затем другие, человек сгибается и касается лбом пола, при этом обе ладони разворачиваются кверху; вставание в обратном порядке. Это самая простая разновидность поклона – например, в тибетском буддизме распространены простирания – когда с полного роста нужно постепенно простереться на земле, выпрямив руки и ноги. И есть даже особо суровые практики паломничества в святые места, когда путешествие выполняется не пешком, а именно простираниями (правда, в этом случае на колени и локти привязывают деревянные накладки)! Цель всех этих практик поклонов – выяснить, насколько сильна гордость и нетерпение человека. Гордые не кланяются, как сухие толстые деревья – и поэтому первыми гибнут под ураганным ветром!

Кроме того, в таких официальных храмах, как Шаолинь, перед алтарем часто ставят урну для подаяний – ящик с прорезью наверху, в которую кидают деньги (можно делать подаяния ценными вещами или чистой пищей – фруктами, мучными изделиями – не мясом; тогда их ставят прямо на алтарь). В Шаолине у этих ящиков передняя стенка – стеклянная, и за ней видна кучка юаней, долларов, марок или франков, чуть реже – рубли. Все средства должны идти на ремонт монастыря и обеспечение монахов.

Камера беспристрастно запечатлевает алые полотна стягов над алтарями – на них золотом вышиты буддийские девизы или короткие стихи, темно-красные стены и колонны, серые плиты каменного пола, тусклое золото статуй... Огромный трехметровый Будда слегка улыбается, равно спокойно глядя и на суетящихся туристов, и на серьезных монахов, и на наши любопытные чужеземные лица.

Недалеко от центрального входа расположен зал Цзиннало – легендарного воина, одного из духов-хранителей Шаолиня. По легенде, он был индийцем – его имя на санскрите звучит как Кинара – и некоторое время просто жил в монастыре, работая истопником на кухне. Никто не обращал на него особого внимания, пока не случилась беда: очередная шайка лесных разбойников, каких было немало в те времена в Хэнане, решила поживиться монастырскими сокровищами (ведь влиятельные люди и сам император частенько дарили монастырю ценные подарки). Очевидно, завязалась вооруженная потасовка, в которой миролюбивым монахам не светило выйти победителями. Тогда Цзиннало в гневе выхватил из очага длинную горящую палку и набросился на грабителей. Его искусство боя шестом было столь хорошо, что разбойники бежали. Якобы с тех пор в Шаолиньском кунфу развились стили работы с шестом, один из которых так и называется – «Шаохогунь» – «Шест горящей палки». Сейчас в зале стоит три статуи Цзиннало, символизирующие три его аспекта: обычный-повседневный (коричневый цзин-на-ло спокойно взирает на входящих, скрестив руки на груди – голый по пояс, босой и весьма мускулистый), божественно-медитирующий (из головы патриарха шеста устремляется к небесам некий дух, похожий на уменьшенную копию его самого) и наконец, гневный: двухметровый Цзин-на-ло с выпученными глазами и яростным оскалом угрожает зрителю толстым шестом. Цзиннало олицетворяет боевой дух Шаолиня и уважается всеми, кто занимается традиционным кунфу.

Полуденная жара спадает, но туристов во дворах храма еще много. Направляясь к последнему, верхнему залу Тысячи Будд, удастся схватить на камеру забавную сценку: у ящика с мороженым и охлажденной газировкой спит в деревянном кресле-качалке мальчишка лет десяти, убаюканный монотонной буддийской мелодией, постоянно играющей в монастыре. Рот открыт, одна рука расслабленно свесилась вниз. Монах спит, служба идет!

А вот конец заката, и нам ударило в голову после всех дневных приключений еще и сбегать на пещеру Дамо! Роберт, Володя и я пыхтим по ступенькам, стремясь успеть на вершину до темноты. Но не успели – не учли скорость захода солнца в этих краях. Горькое разочарование операторам – легкий, почти незаметный внизу туман в проекции с вершины напрочь смазывает картинку ночного Шаолиня, оставляя нам лишь размытые световые пятнышки и редкие полосы неоновой рекламы вдоль главной аллеи. Зато на западе солнце

еще не погибло, и мы несколько минут любимся контуром горной гряды по другую сторону перевала, подсвеченным оранжевым светилком. Спуск обратно – нелегкая задача в темноте, приходится постоянно напрягать голеностоп в поисках ровной ступеньки, поэтому к домику первого патриарха ноги здорово гудят. Ночные цикады ошалело звенят нам вслед, скрадывая звук усталых шагов. Всем спать!

Какими долгими не казались дни пребывания в Шаолине, все же и они подходят к концу. Странно, но в это не верится – ведь первый визит в древнюю столицу Чань всегда такой сказочный! И для многих в этом сокрыта определенная опасность – вот вернешься ты домой, в холодную Россию, и что там делать? Где там горы Суншань? Как тренироваться, если ты не в зале Тысячи Будд? Как медитировать, если ты не в пещере Дамо?

Ответ давно уже дан в одном известном чаньском коане: «Где находится монастырь Шаолинь? Он находится там же, где и ты». Лишь тот, кто и раньше был близок сердцем Шаолиню, сможет оставаться верным ему и после отъезда. Сам по себе Шаолинь не открывает тебе ничего принципиально нового, он лишь яснее показывает, кто ты есть на самом деле. А тем, кто забыл или пребывает в заблуждении относительно своих истинных качеств – напоминает.

Последний вечер в Шаолине. Тренировки у Фу уже закончены, все мыслимые и немыслимые сувениры уже куплены, фото пленки отсняты, большинство вещей и оружие упакованы. Время уже почти шесть, ворота в храм скоро закроются для посетителей. Заряжаю камеру и иду снимать Шаолинь без спешки, не гонясь за интересным кадром. Поднимаюсь до верхнего зала и оттуда медленно схожу вниз, последовательно записывая один двор за другим. Часто просто ставлю камеру на теплый камень ступенек и пишу неподвижный ракурс. Людей почти нет, монахов не видать – после вечерней службы большинство заканчивает работу и расходится по кельям. Для осмотра монастыря сейчас самое удачное время – уже не жарко, еще не темно, тишина и покой. Легкий дымок от многочисленных благовонных палочек, которые ставят прямо в залах или перед входом в них – для этого есть специальные большие чугунные урны – этот дымок еще не совсем рассеялся, и теперь странным образом смешивается со звоном колокольчиков – их подвешивают на углы крыш вместе с красными бумажными фонарями, где они раскачиваются ветерком, отгоняя злых духов.

Постепенно спускаясь вниз, дохожу до аллеи стелл. Но главный вход уже заперли, и я сворачиваю вбок – во двор деревянных монахов. Оглядываюсь вокруг, ожидая, что вот-вот какой-нибудь служитель подойдет ко мне со строгим внушением – ведь время-то уже не туристическое... И обнаруживаю с удивлением, что в этом огромном дворе я совершенно один! Хотя, пожалуй, не один – за время нашего общения с Шаолинем мы как-то привыкли одушевлять это имя, воспринимая храм как некое самостоятельное существо; и сейчас я остался с ним один на один! Ощущение столь явное, что желание снять как-то угасает, и я просто опускаюсь на деревянную скамеечку и молча сижу, вслушиваясь в окружающую тишину. И хотя по характеру я скорее материалист и скептик, но этот вечер хочется считать подарком от духа-хранителя храма, как прощальную фотографию на память о Шаолине. Китайские буддисты называют такие моменты «чин цзин» – «чистота и покой», имея ввиду состояние души, а не внешнюю обстановку. Остановись, мгновение!

И вот утро того самого дня, вечер которого мы встретим уже не в Шаолине! Встаем рано, с запасом – еще раз проверить рюкзаки, умыться как следует (насколько это возможно под тонкой струйкой холодной воды), позавтракать впрок. Впервые на ранний завтрак идем в кухню нашего же постоянного двора – обычно мы там не едим – и заказываем сифань. Сифань для китайцев – то же, что яичница для европейцев, дежурный завтрак. Однако яичница с беконом и кофе – пища тяжелая и спорная в смысле диеты, а сифань – безусловно диетический чемпион. Сифань – это очень жидкая каша из разваренного риса с сахаром, иногда мукой и крахмалом, в которую может добавляться по вкусу арахис, изюм, ростки фасоли и другие растительные ингредиенты; сифань можно есть горячий и холодный, а однажды в поезде мы покупали его в баночной упаковке – как пиво! Хорошая порция сифаня

с утра должна, по идее, стабилизировать деятельность пищеварения и подготовить его к китайскому обеду, насыщенному перцем и разнообразными вкусами.

Итак, умяв на компанию тазик (без шуток) сифаня, мы с приливом сил принимаемся за перепроверку своей экипировки. Каждый путешественник знает, как важно плотно и грамотно набить рюкзак – ведь его будут потом бросать, таскать по полу, переворачивать, на нем наверняка придется сидеть, а возможно и спать. Поэтому вниз складывается все прочное и небьющееся – кеды, куртка, книги и т.п., со стороны спины – все мягкое, а в середину плотно укутываются сувениры, бутылки и прочие хрупкие предметы. Многочисленные карманы принимают в себя вещи первой необходимости, которые должны быть доступны быстро и в любой обстановке – деньги, документы, ручка-блокнот, очки и... туалетная бумага. И тогда, как говорил небезызвестный писатель-фантаст: «Имею скафандр – готов путешествовать!»

Отдельная статья багажа в нашем варианте – оружие. И если, извините, в России стоит проблема, как бы его было поменьше – чтоб не привлекать внимания, то в Китае мечами и катанами никого не удивишь и не испугаешь. Здесь важно другое – обычно оружия так много, что его тяжело нести и трудно скрепить в удобоносимый блок. Для этой цели мы применяем старый добрый вокзально-багажный способ – заматываем все железное в бумагу или пластиковые пакеты, а потом зверски перетягиваем все это скотчем в несколько слоев. Образуется мумиеобразный предмет порой странной формы – например, если связать вместе пятьдесят гибких мечей тао, то можно подумать, что вы несете веник в чехле, только весом в пуд. Зато просто и надежно!

Наконец, навьюченные сумками и свертками, мы прощаемся с гостеприимными хозяевами нашей неказистой гостиницы и выдвигаемся в сторону выезда из Шаолиньской деревни. Конечно же, наш путь лежит мимо монастыря. Последние охи и ахи, скупая мужская слеза, Роберт Васильевич прикладывает сложенные ладони ко лбу в глубоком поклоне – и мы покидаем Шаолинь!

За воротами ловим проезжающий автобусик – куда? В Чжэнчжоу! А, ну давайте, довезу за... м-м, пятьдесят юаней с человека? Окстись, в суп тебе тормозную жидкость, мы ж свои, из русского Шаолиня, по десятке и поехали! А, русские, ну тогда ладно, по пятнадцать и рюкзаки на сиденья не ставить...

Огромная фигура каменного монаха медленно растворяется позади, торжественно прощаясь с нами соединением кулака и ладони. Впереди солнце, дорога и долгие годы воспоминаний. Начинается путь домой!

Никто сильно не удивился, когда выяснилось, что водитель автобуса нас таки надул – привез не на железнодорожный, а на автовокзал распрекрасного города Чжэнчжоу! И далее не хочет ехать ни в какую. Драться не стали, но высказали все, что если не накипело, то нагрелось порядочно – по-русски, конечно. Пришлось срочно искать перекладные. Ими оказались два микроскопических микроавтобуса желтого цвета, по форме напоминающие спичечный коробок, поставленный на ребро. В них были штабелями упакованы одиннадцать человек, столько же больших рюкзаков, столько же маленьких, полста килограммов связанного железа, связка шестов и связка картин (традиционные свитки с графикой или живописью на плотной бумаге или шелке). В слегка придавленном настроении прибыли, наконец на знакомый уже вокзал.

Билеты до Пекина – только на вечер. На часах – одиннадцать утра. Что делать? Гулять, конечно! Но сдавать вещи в камеру хранения для нас дороговато и хлопотно, а таскаться по знойному полдню с сумками – самоубийство. Понимаете, о чем речь? Правильно, кто-то должен сидеть в зале ожидания «на рюкзаках», развлекаясь пересчитыванием количества китайцев, уехавших с первой платформы. Или, скажем, количества китайцев, одетых в белые брюки и желтую бейболку – все равно меньше десяти тысяч не получится, ведь Чжэнчжоу – перевалочный пункт центрального Китая, и в одной только провинции Хэнань живет больше народа, чем во всей России! Итак, остаюсь сидеть на жестком деревянном сидении, обложенный рюкзаками по периметру, в компании китайско-русского карманного словаря.

Так, переведем вот эту надпись над дверями общественного туалета, м-м, здесь написано... ага, вот: «Не курить!» Что ж, поищем цитаты из Конфуция в другом месте...

Часы медленно двигают стрелками по самодовольному циферблату, очередной пятнадцатитысячный китаец проходит мимо меня, не преминув пихнуть своего друга локтем, чтобы тот тоже полюбовался на маринованного лаовая в собственном поту. Да, пекинских кондиционеров здесь пока еще не поставили.

Среди толпы пассажиров с удивлением замечаю немало мусульман – их можно распознать по пестрым одеждам или белой шапочке-тюбетейке на голове. Мусульмане в Китае весьма крепки – их много, у них свои районы, школы, медресе, даже стили ушу. При этом они спокойно уживаются с буддистами и христианами, конфуцианцами и даосами. Впрочем, последних немного – они, как и буддисты, переживают не самые лучшие времена. Тем не менее, религиозных войн, подобных крестовым походам или резне католиков с протестантами, в Китае не было никогда – страна крайне веротерпимая, если кого и резали, то за власть или за территорию, то есть скорее по политическим мотивам. В настоящее же время реальная политическая власть сосредоточена в руках компартии, но при этом существует оппозиция – отнюдь не в подполье, и мирно уживаются представители практически всех известных религиозных конфессий, включая православие и католичество.

От многотысячной движущейся толпы и постоянного гула начинает шуметь голова, и впору бы загрустить, но как раз в этот момент приходит спасение – смена караула. Очередной страдалец занимает пост на рюкзаках, а я отправляюсь в компании неунывающих ушуистов посмотреть на город.

Оказалось, что в зале ожидания я провел не менее пяти часов – на улице уже вечер, к тому же знойное солнце начинает закрываться в подозрительных тучках. Судя по духоте и запаху пыли в воздухе, грядет гроза. Огромные красные фонари, выполненные в традиционном стиле, но наполненные газом, как дирижабли, угрожающе раскачиваются на веревках посреди привокзальной площади, излишне экспрессивно напоминая о присоединении Гонконга.

Прямо на площади расположены несколько порталов, которые мы сначала ошибочно приняли за входы в подземные пешеходные туннели. Однако это оказались входы... в подземный супермаркет! Да, супермагазин можно выстроить не только ввышину, но и закопать в глубину. Направляемся напрямик туда.

Под землей – царство блестящих гранитных полов, неона и мощных кондиционеров. Здесь явно веселей, чем в душном наверху! И мы поддаемся на этот безошибочный коммерческий трюк привлечения потенциальных покупателей, запуская себя на орбиту ломящихся витрин и ненужных замечательных погремушек... Конечно, после Пекина нас нелегко поразить, тем не менее мы две недели не видели настоящих фонтанов с подсветкой в отделе по торговле спиртным (вина всех сортов плюс шикарно-экзотические китайские водки в пузатых бутылках с заспиртованными внутри змеями и скорпионами, не говоря уже об обязательных клубнях жень-шеня), и теперь наверстываем упущенное.

Конечно же, наиболее экзотичными для нас кажутся продовольственные отделы – настолько непонятные вещи можно там увидеть. Речь не идет о традиционной китайской кухне, а о каких-то новомодных кулинарно-гастрономических изысканиях: многочисленные разноцветные приправы, какие-то конфеты и мармелады из сои, маринованные и вареные сухофрукты, напитки на основе соевого молока с фруктовыми или ореховыми добавками, и еще много другого. Естественно, полный набор всевозможных фруктов и овощей, названия половины которых мы даже и не знаем. Несмотря на вполне супермаркетовую обстановку, зачастую можно попросить попробовать какую-нибудь странную на вид конфету или фрукт – если сделать это вежливо, то не откажут (возможно, здесь мы просто злоупотребили положением иностранцев). А вот снимать на камеру отдел модной одежды мне почему-то запретили.

Здесь же, под землей, работают несколько маленьких ресторанчиков-закусочных. Цены там немного выше, чем обычно в городе, зато прохладно и чисто. За стеклянной

перегородкой повара растягивают руками ленты из теста – готовят лапшу, одновременно привлекая покупателей. Внешне они действуют не торопясь, но по опыту мы знаем, что китайские повара – самые скоростные в мире, и за пятнадцать минут могут приготовить любое, даже очень сложное блюдо. Любуемся на процесс, потягивая миндальное молоко из жестяных баночек. Увы, обедать в ресторане сейчас для нас слишком дорогое удовольствие – впереди Пекин, и денег точно в обрез, лишние траты чреваты сухим пайком на пути домой. Поэтому дешевле купить лепешек или мантов в термоупаковке, запивая все это кока-колой.

В который раз поражаюсь неспешности китайской жизни. При том стремительном экономическом росте и проникновении в жизнь китайцев высоких информационных технологий (например, нигде не найти видеомэгнитофонов – их давно вытеснили лазерные проигрыватели всех мастей; сотик – у каждого второго, а может быть и больше) – при всем этом на лицах людей не заметно суеты или признаков городского стресса, типичных уже даже для Красноярска, не говоря о европейских или американских мегаполисах. Как китайцы ухитряются все успевать не спеша – действительно загадка. Возможно, дело в их жуткой работоспособности – ведь рабочий день многих (в основном неквалифицированный труд) составляет более двенадцати часов, а то и две смены. Они много работают, получая за это мизерную зарплату – вот откуда километры прекрасных автострад, этажи небоскребов, заваленные прилавки с продуктами. Согласен, у нас тоже многие получают мизерную зарплату – но вот сколько из них согласны вкалывать также, как китайцы? Недаром же сейчас на стройках в Сибири часто видишь китайцев, корейцев или вьетнамцев – просят немного, работают хорошо – полная противоположность русским. Не хочу сказать, что русские хуже китайцев или наоборот – нет, просто разный менталитет, и когда в газетах нашим реформам противопоставляются китайские как имеющие безусловно более мощный результат, хочется ответить: что для китайца хорошо, то для русского – смерть. Взять хотя бы для примера такое блюдо, как «вонючее тоуфу»... Нет-нет, об этом позже.

Наконец-то вечерет, мы все собираемся в зале ожидания, сквозь огромные стекла вокзала наблюдая за пыльной бурей снаружи. Вспышки молнии смешиваются с миганием неоновых реклам, создавая инопланетный пейзаж. И мы, космонавты из России, на этой пестрой и шумной планете...

Глава 11

«Если враг не сдается, его ссылают на заработки в США»

Мао Цзэдун.

Ночь в «мягком сидячем» до Пекина пролетела без происшествий, не считая нескольких китайцев, споткнувшихся о связки шестов, которые пришлось положить прямо в проходе. Но проводники были на нашей стороне, и никто не возмущался.

Выходим утречком на Западном вокзале почти как у себя дома – конечно, ведь мы уже были здесь целый раз! Впрочем, уверенность несколько наигранная – если бы не А.М., наверняка заблудились бы в лабиринте пандусов и переходов. Выдвигаемся к остановке маршрутных такси на нижнем ярусе вокзала и довольно быстро ловим подходящий микроавтобус, чем-то сильно напоминающий старый советский «РАФик», такой же неуклюжий и раздолбанный. Сейчас, шесть лет спустя, такой транспорт из Пекина начисто исчез. Меня сажают на переднее сиденье, рядом с водителем – развлекать его разговорами о Шаолине и все такое прочее. Можно подумать, что я выпался в сидячем вагоне, в отличии от остальных! Порой китайского языка в Китае лучше не знать!

Само собой, автобусик не довозит нас до гостиницы, как предполагалось сначала, по невразумительным причинам. Сходим где-то в центре и после беглого опроса прохожих выясняем, что примерно в наш район можно попасть автобусом номер N. Ждем. Появляется

совсем нестандартное для нашего глаза двухэтажное красное чудовище на восьми колесах. Ради этого стоило пересаживаться! Грузим багаж вниз, забираемся наверх по ступенькам и рассаживаемся свободно – автобус полупустой, в открытые окна залетает свежий еще утренний ветерок. В Пекине есть на что посмотреть, но со второго этажа автобуса это делать особенно интересно. Для тех, кто опрометчиво пропустил первую часть моих заметок, вкратце поясню: если в большинстве городов России архитекторы никак не могут решить, что лучше – хрущевки 60-х или девятиэтажки 70-х, то в Пекине все ясно: этот город стремительно шагает в 21-й век, лишь местами бережно оставаясь в начале первого тысячелетия. Зеркальные небоскребы зрительно увеличивают пространство, и за счет этого не так давят на акрофобов, как иные серые пятиэтажки; обилие треугольных и круглых форм, светлые цветовые решения совсем не делают Пекин городом каменных монстров, в отличие от Нью-Йорка, а постоянный мотив традиционных изогнутых крыш, каллиграфически выполненные иероглифы вывесок, фонтаны и газоны с цветами и художественно подстриженными кустарниками – все это радует глаз. Единственная серьезная беда – крепкий смог в безветренные дни, порой щиплющий глаза и заставляющий в часы пик стремиться побыстрее добежать до гостиницы и запереться в номере с кондиционером и чашечкой зеленого чая.

Так неспешно прокатываемся по центру столицы, свысока поглядывая на отстающих велосипедистов и иногда – велосипедисток. Наш восьмиколесный паром причаливает в двух-трех кварталах от района «Цзяньго Мэнь», где и находится одноименная гостиница – отель «Ворота Основания Государства», самый дешевый из разрешенных для проживания иностранцев (меньше трех звездочек не полагается). Закидываем на спину наши тюки, хватаем связки железа, кажущиеся особенно тяжелыми после долгой сидячей ночи и вокзальных суток, и по возможности быстрым шагом двигаемся к гостинице.

Для тех, кто часто посещает границу, описание нашего отеля вряд ли представит интерес. Для прочих же скажу вкратце:

Три звезды по-пекински это: входные двери с датчиком людей – подходишь – открываются; чистый мраморный холл, на стене за дежурной стойкой висит с десяток больших циферблатов часов, на которых установлено время крупнейших столиц мира (пришлось поправить им московское время – не учли летний вариант!), весь обслуживающий персонал в белой униформе, кроме полицейского на входе – он в голубом; современные лифты, кондиционеры, на этажах полы застелены мягким покрытием. Номер на двоих в сутки – порядка трехсот-четырехсот юаней (сорок-сорок пять долларов), в эту сумму входит: ежедневная уборка, смена постельного белья, комплекта туалетных принадлежностей, термос кипятка и пакетики зеленого чая; цветной телевизор, кондиционер (очень мощный, легко простудиться), современная ванная (обычно совмещенная с туалетом), столики, тумбочки, одноразовые бумажные тапочки. Двойные тонированные окна наглухо блокируют палящее солнце и уличный шум. Коридорные и другой персонал в основном вежливые люди, на чаевые не напрашиваются, но свои обязанности выполняют.

К чему придраться? Главная беда всех китайских гостиниц – сантехника сомнительной производительности. В основном это выражается в крайней неохоте канализации чего-либо смывать или засасывать; но – разве это имеет значение после двух недель в Шаолине, когда здесь в любое время дня и ночи можно принять горячий душ без многоножек?!

Ощущая себя немного Робинзонами, вернувшимися с дикого острова, с наслаждением припадаем к благам цивилизации. Пропитанная вокзалами и автобусами одежда сбрасывается, из сумок извлекается чистый НЗ, припасенный специально для Пекина, принимается душ с настоящей без обмана горячей водой, с бритьем – наконец-то! – и увлекательным исследованием одноразовых зубных щеток, мыла, шампуня и зубной пасты (естественно, все как истинные поклонники Задорнова, сэкономили на мыле и шампуне, увезя их с собой в Россию). Да здравствует три звезды, тра-ля-ля, тра-ля-ля!

Распаренное мытое тело доходит до кровати и рушится в объятия чистой простыни и плоской маленькой подушки (очень полезно для шеи), почти мгновенно отрубаясь в

приятном прохладном забытии...

«...и лидеры Коммунистической партии горячо поблагодарили рабочих за проявленное трудовое...» – слова сквозь сон кажутся очень знакомыми, и лишь позже понимаешь, что говорят по китайски. Это просто Роберт экспериментирует с пультом от телевизора, а беглый взгляд на часы показывает, что прошло всего лишь полчаса. Стук в дверь и энергичные призывы означают лишь одно: пора обедать.

В 97-м году вокруг нашей гостиницы располагалось множество мелких ресторанчиков, лавок с закусками и шашлыками, фруктовый базар и несметное количество магазинчиков с сувенирами. Дело в том, что район «Ворот Основания Государства» граничит с так называемым рынком Яболу – мелкооптовым рынком для русских и прочих челноков, закупающих здесь тряпки и всякие изделия легкой промышленности, чтобы потом втридорога продать в Иркутске, Чите, Красноярске и даже Новосибирске. На этом знаменитом рынке большинство китайских торговцев понимают по-русски (в пределах счета и фраз типа «Сам козел» или «Очень дешево, мадама»), неплохо знакомы с менталитетом русских перекупщиков и потому крайне неприятны в общении. Здесь же неподалеку расположен посольский квартал – представительства США, России, Чехии и других стран. Словом, иностранцев немало. Видимо, учитывая это обстоятельство, рядом построили магазин «Дружба» – принципиально дорогой супермаркет, ориентированный на антиквариат, сувениры и европейские продукты (но, как ни странно, баночная кока-кола там оказалась дешевле, чем на улице). Через квартал от «Дружбы» можно натолкнуться на небольшой ресторан, на фасаде которого мы с удивлением смогли прочесть не совсем привычных для кириллицы пропорций слово «МОСКВА» (заходить туда не рискнули – вдруг накормят тушеной капустой с сосисками!). И наконец, всех добил агитплакат на палке, установленный прямо на газоне, текст на котором я позволю себе восстановить примерно по памяти (с сохранением орфографии): «Не миняй деньги в месте незнаком. Купиш фальшивая – астанешь дураком!» Сей поэтический перл, достойный пера Маяковского, предназначался, видимо, для русских бизнесменов, предпочитавших менять валюту в лавочке за углом, ловко замаскированной под чайный магазин, а не идти по-честному в банк, где курс чуть хуже. Тем не менее, лавочка ченчжа продолжала процветать, и мы не преминули воспользоваться ее услугами (и не пожалели об этом).

В поисках приличной забегаловки не приходится далеко идти – в двадцати метрах от отеля обнаруживаем по запаху маленький, но довольно чистый ресторанчик. Короткое знакомство с меню убеждает нас, что цены вполне разумные по меркам Пекина, а выбор богатый. Решаем плотно пообедать, так как потом весь день предстоит носиться по жаре в погоне за культурными ценностями и подкрепляться только кока-колой (автоматы с холодной колой и пепси – повсюду). Как всегда, после суток возни по вокзалам китайская еда кажется невообразимо вкусной, особенно свинина в сладко-кислом красном соусе с ананасами и острый картофель соломкой с красным стручковым перцем... В большой веселой компании мала-ниу-жоу исчезает незаметно, а тушеные баклажаны под мясом оставляют лишь приятные воспоминания. Едим не торопясь – за две недели привычка уплетать все деликатесы за первые пятнадцать минут искоренилась, и сейчас мы, как настоящие коренные ханьцы, медленно запускаем палочки в блюдо, вылавливая оттуда полоску чего-нибудь растительного, и также не спеша подносим ее ко рту, внимательно следя, чтобы не зажевать заодно дольку красного перца – иначе пожар носоглотки неминуем, и пар будет свистеть изо всех ушей. По рассказам, некоторые особо крутые китайские бизнесмены проводят в ресторанах весь рабочий день, заключая там сделки и проводя совещания. Конечно, вряд ли они непрерывно едят – скорее, перемежают легкие закуски зеленым чаем и разговорами; в принципе, учитывая искусство китайских поваров, вполне реально вести такой образ жизни и не толстеть.

Последний ломтик кисло-сладкой капусты доеден, последний одинокий орешек жареного арахиса доклеван, вся газировка выпита, палочки облизаны, запасено несколько бесплатных зубочисток. Пора идти!

Глава 12

«Любой, кто входил в Запретный Город, становился либо женой императора, либо евнухом...»

Из школьного сочинения.

Если в первое посещение Пекина мы лишь дошли до площади Тяньаньмэнь (Ворота Небесного Спокойствия), то в этот раз решено посетить Гугун – императорский дворец, иначе именовавшийся Запретным Городом: вход в него простым людям запрещался под угрозой смертной казни. Император почитался в древнем Китае, как ни в одной стране мира; он считался Сыном Неба, человеком, получившим Небесный Мандат – разрешение высших сил на управление Поднебесной (пару тысяч лет назад под словом Поднебесная китайцы понимали практически весь населенный людьми мир – ведь кроме них, в то время по соседству не существовало крупных цивилизаций – Греция и Египет были слишком далеки, а Индия отделена Гималаями и диким Тибетом). Поэтому власть императора была безгранична, его привилегии ставили его в неземное положение: у него должны были быть одежда, еда, жилье, утварь, жены и слуги поистине божественного качества и количества. Это сейчас мы привыкли к стоэтажным каменным башням в городах и демократическим порядкам; а раньше более шестисот залов с оранжевыми крышами, киноварными высоченными колоннами, позолотой убранства, армией евнухов, жен и охраны – все это повергало простого человека в трепет, заставляло почувствовать себя мелким и незначительным.

Проходим сквозь центральную арку Гугуна вместе с тысячами других туристов, попадая в огромный двор примерно двести на двести метров площадью – это лишь промежуток между следующим рядом залов, вход в каждый из которых стоит от двадцати до сорока юаней. Учитывая, что залов несколько сотен, сумма осмотра всего дворца получается нешуточная. Но главное даже не цена – осмотреть Гугун даже за неделю невозможно без приобретения культурной головной мигрени, это понимают все, кто побывал в Эрмитаже или чем-то подобном. Поэтому мы благоразумно ограничиваемся проходом сквозь внешние дворы, любуясь на замечательные фигурные карнизы крыш, раскрашенные яркими узорами, и высоченные красные стены, отдаленно напоминающие кремлевские.

Во дворах полно туристов, иностранцев тоже немало – едва ли не каждый четвертый (в этом большой плюс Пекина – местные жители не таращатся на тебя, как шахтеры-стахановцы на новый «Запорожец»). Как всегда, масса лавочек с сувенирами, колой, мороженым и закусками – но цены заведомо грабительские, рассчитанные явно на наивных американцев и прочих буржуинов. Мы, дети перестройки, конечно удавимся, но не купим банку лимонада за пять юаней, когда через квартал отсюда она стоит два с половиной.

За пару юаней можно сфотографироваться в одежде императора (женщинам, соответственно – императрицы), или покататься в паланкине – носилках с балдахином на ручной тяге. После двух недель в Шаолине смотрим на это безхитrostное развлечение немного усталыми абстрактными глазами, искренне удивляясь, откуда у народа берется энтузиазм в тридцатиградусную жару облачаться в душный шелковый халат и меховую шапку. Идем дальше.

По периметру дворец окружен водяным рвом, который местами более похож на небольшое озеро. С восточной стороны вода ярко-зеленая, и местные рыбаки в ней чего-то ловят – наверное, императорских золотых карасиков... Пытаясь пройти вдоль восточного крыла дворцовой стены, попадаем в узкий проулок а-ля старые комедии с Джеки Чаном: слева стена, справа в полутора метрах – ряд захудалейших одноэтажных хибар, сколоченных из конструктора «Фанера, доски и историческая раритетность». Кто живет в этих стайках и почему их упорно не сносят – это в центре центрей Пекина! – осталось для нас загадкой;

выдвинули версию, что потому и не сносят, что больше такого сочетания и не увидишь; а еще – оставили для кино.

Стена высокая, метров двенадцать, но опытный скалолаз сейчас смог бы забраться на нее без снаряжения – много выбоин, кирпичи или камни местами разрушились. Впрочем, времена вооруженных штурмов императорского дворца давно миновали, а скорее всего, и ранее царьборцы предпочитали действовать интригами или ядом, чем брать мощные стены с ходу.

С южной стороны дворца расположен Императорский парк Цзиншань, на северо-западе ограниченный продолжением крепостного рва – парковым озером Бэйхай (Северное Море). В парке Цзиншань находится высочайшая точка старого Пекина – искусственно насыпанная гора, основанием которой якобы служит пласт угля – запас топлива на случай осады столицы. Туда мы и направляемся.

Через шесть лет воспоминания от посещения десятков китайских парков, двориков и аллей сливаются воедино, делая проблематичным связное описание деталей. Могу сказать лишь одно – традиция фэн-шуй искусного размещения элементов архитектуры, растительности, дорожек, прудов и естественных неровностей делает китайский парк приятным местом для отдыха и прогулок, если только еще пять тысяч туристов не слоняются там одновременно с вами. Увы, это большая редкость, и парк Цзиншань – не исключение.

Поднимаясь на холм, запасаемся бутылками с замороженной водой – в такую жару это единственно радикальное средство от перегрева. Со временем лед в бутылке раскалывается на отдельные куски, которые постепенно плавятся в собственном поту, и мы периодически встряхиваем их, производя приятный уху прохладный шум. В распаренном мозгу тупо шевелится упадническое: как люди вообще выживают в Африке? Как бы в ответ на это мимо проходит группа негров (ах, извините – афроамериканцев!), и мы на мгновение чувствуем себя равно экзотичными с ними на фоне местного населения.

На холмелюдно, там стоит большущая беседка-павильон, из которой открывается прекрасный вид на центр Пекина. Пекин – ровный, как доска, все улицы точно ориентированы по сторонам света, и до самого горизонта там и сям торчат многочисленные небоскребы. Было бы видно еще больше, если бы не смог. Строго на юге – скопище оранжевых лоскутов – крыши императорского дворца. Жалеем, что нет мощного бинокля, а увеличение камеры дает трясущуюся картинку на таком расстоянии. Ну что сказать – город-монстр!

Побродив еще с часик по императорскому парку, с удивлением обнаруживаем, что времени уже немало – почти пять вечера; видимо, от обилия переездов и смены впечатлений внутренний временной таймер окончательно сбилсся, и уже не помнишь, когда в последний раз поднимался на гору Дамо – позавчера или неделю назад. Воспоминания длятся одной сплошной чередой, переплетаясь друг с другом, как дорожки в китайском парке. Учитывая, что большинство перемещений мы осуществляли пешком по жаре, экономя на такси, где возможно, и во всех надписях и маршрутах разбираясь сами (конечно, под чутким руководством А.М.), не прибегая к помощи гида, то станет ясно – нагрузки на ходильную и познавательную способности были немалые. Зато какое плотное ощущение китайской реальности!

Сделав небольшой крюк, медленно возвращаемся в гостиницу по улице Ванфуцзин – одной из известнейших торговых улиц Пекина. Здесь расположено множество антикварных, художественных, книжных магазинов, лавочек с сувенирами, супермаркетов и ресторанов. В честь присоединения Гонконга все вокруг увешано светящимися гирляндами, красными шарами и флагами, повсюду играет веселая, но спокойная и мелодичная музыка; не покидает ощущение всеобщего приподнятого настроения и подспудного позитива. Нас, урюмых русских, все это поначалу немного напрягает – ждем подвоха, но потом постепенно расслабляемся и въезжаем во всеобщий плавный гармоничный ритм. Тра-ля-ля, тра-ля-ля, Гонконг вернулся, блим-блм, а Дэн Сяопин и вовсе молодец, ну и все такое прочее...

Заходим для начала в аптеку – с чего-то же надо начать. Осматриваемся. Н-да, зашли...

Не понятно ни черта! Все названия на китайском, в основном специальные иероглифы, которые редко встретишь в учебнике разговорного языка; горы цветастых упаковок, бутылочек и мазей – покупать опасно, вдруг чего объяснишь не точно, и пропишут тебе, как говорится, слабительное вместо валерьянки. Одна витрина полностью посвящена, судя по всему, результатам археологических раскопок в пустыне Гоби – какие-то кости, сушеные драконы, лапы феникса и так далее. Однако чуть погодя разбираемся – часть отделов объединяет вывеска «Чжун-И» (китайская медицина, и там надо быть начеку), а часть – надпись «Си-И» (западная медицина) – здесь все на английском, почти родное – аспирин, колдрекс, тампакс. Олл райт, идем дальше.

Следующий магазин весьма шумный и разноцветный – здесь все пищит, стреляет, ползает и ездит прямо по полу между прилавками. Это детские игрушки. Толстопузые китайские сопляки самозабвенно со всем этим возятся, ни мало не стреноженные на удивление спокойными продавцами в белых рубашках. Особой популярностью в тот год пользовались светящиеся от нажатия или удара пластиковые колечки и омерзительные аморфные человечки, которых следовало кидать на висячее зеркало или стену – они сначала прилипали к поверхности, а затем специфично сваливались вниз, попеременно цепляясь то руками, то ногами... Немного обалдевшие от разнообразия, выходим на свежий тридцатиградусный воздух и выпиваем по стакану холодного пепси, чтобы с новыми силами познать непознанное.

Художественный салон хорош – китайская живопись и каллиграфия на любой вкус, веера, маски, любые письменные принадлежности, кисти и краски. В углу картин скромные ценники – «8000 юаней» (около 30 000 рублей). Недурно-с. Но что нам до этого, с трехстами юанями в кармане! Вот купим сейчас тушь, волчьи кисточки и рисовую бумагу – и сами нарисуем такую же! Лет через двадцать. Ну а если серьезно, то китайская живопись – это отдельный вид искусства, по своим принципам сильно отличающийся от европейских художественных школ. Для китайского художника, точно как и для мастера боевых искусств, огромное значение имеет наработка базовой техники. Для этого существуют несколько классических тем изображений – птицы, рыбки, горы и воды, цветущая слива мэй-хуа и так далее... Как каллиграф годами выписывает тысячи экземпляров одного и того же иероглифа, так и китайский художник тренируется в изображении, например, котенка. Линии приобретают точность, фигура животного становится все более живой – и вот, через десятки лет все говорят: «Да, господин Ли – мастер в рисовании котят!» Конечно, одной темой обучение не ограничивается, но принцип остается прежним – от малого к большому, от простых навыков к сложным, и никуда не торопиться. Это несколько отличается от модернизма Европы, где приветствуется оригинальность, самобытность, создание новых стилей, где художник в любой картине стремится прежде всего выразить свое «Я» и подчеркнуть отличие от других. В традиции Китая направление мысли другое – почитается отсутствие проявлений личного в творчестве, растворение себя в материале и сохранение традиции. Что лучше – Восток или Запад – вопрос, полагаю, риторический. Быть может, лучшее всегда посередине?

Вдоволь налюбовавшись удивительно живыми тиграми, нарисованными специальной акварелью на шелке, и берущими за душу лунными пейзажами тушью по бумаге, покидаем царство прекрасного – лишь для того, чтобы очутиться во владениях премудрого.

Хотя уровень грамотности в среднем по населению в Поднебесной значительно ниже, чем у нас, книжные магазины в крупных городах заслуживают уважения. Тот, в который заходим мы – специализируется на иностранной и справочной литературе, здесь развалы словарей, проспектов по зарубежным странам, картам Китая и путеводителей всех мастей. Здесь можно приобрести хороший справочник по Пекину с подробной картой и английским переводом. Нас, конечно, в первую очередь интересуют китайско-русские словари – в Красноярске их выбор очень скуден, а цены кусаются. Здесь же мы легко нашли большой китайско-русский словарь пекинского издательства за смешные тридцать три юаня (сто двадцать рублей) и карманный за восемнадцать – чисто социалистические цены. Кроме того,

в Пекине можно купить то, что в принципе не продается в России – например, буддийский справочник по санскритским терминам, или словарь древних иероглифов (ныне вышедших из употребления, но встречающихся в сутрах и шастрах), или, наконец, раритетные издания по китайской медицине. Само собой, в любом приличном магазине есть отдел по ушу и цигуну; правда, изобилие цветных обложек еще не означает хорошее содержание – знатокам совсем не интересны нудные методички по спортивному «длинному кулаку» или бесконечные самоучители по саньда (китайский вариант кик-боксинга). Но если терпеливо порыться в многоэтажных стеллажах, усилия наверняка будут вознаграждены, и в ваших руках окажется какая-нибудь невзрачная книжонка шестьдесят девятого года издания, которую в Пекине никто не покупал, потому что не понимали смысла названия: «Сутра полного осознания»... Бриллиант в стоге сена!

Так неспешно проходя по Ванфуцзин, заходя то в книжный, то в электротовары (где был куплен мини-синтезатор на радость Володе), то просто отдыхая на теплых ступеньках какого-нибудь банка (лаоваям это сходит с рук), постепенно сдвигаем стрелки часов к вечерней страже. В это прекрасное время солнце уже достаточно низко и не в силах прострелить каменные туши небоскребов, спасительная тень прибавляет сил уставшим ногам, машин становится чуть меньше, смог чуть реже, пышными феерверками расцветают неоновые рекламы и подсветка фонтанов. Ввиду такой благодати решаем не толкаться в общественном транспорте и возвращаться в гостиницу пешком. Камера запечатлевает поредевший поток автомобилей на просторах восьмиполосной Чаньаньцзе, ручеек велосипедистов и велорикш на специально отгороженной от автострады дороге, и наши любопытные спины, освещаемые предзакатным солнцем. И это понятно – ведь мы идем строго на восток!

Глава 13

«Мое кунфу сильнее твоего!»

Терминатор – Саре О'Коннор.

Солнце в Китае садится очень быстро, и когда мы переступаем порог гостиницы, небо практически черное. Однако наш день еще не закончился – да и кто ляжет спать в девять вечера в таком интересном месте, как Пекин, да еще в такой веселой компании, как наша!

Жизнь в ночном квартале перед гостиницей кипит вовсю. В 1997-м году постановление о превращении Пекина в суперстолицу Олимпиады-2008, конечно, еще не принято, и тысячи уличных торговцев, зазывал и просто мошенников беспрепятственно творят свой нехитрый бизнес. Помимо ларьков с сувенирами и тряпками, содержимое которых не отличается от таких же в Шаолине, лишь чуть дороже, здесь пышным цветом цветет шашлычный и закусочный промысел. Шашлыки не похожи на наши (в смысле, грузинско-армянские) – на короткие деревянные палочки нанизывают очень маленькие кусочки баранины или свинины, густо посыпанной перцем и приправами, после чего жарят их над углями, поливая чесночным соусом или ла-цзяо – острейшим соевым соусом с мелкими кусочками красного стручкового перца. Смесь получается зверская, но очень аппетитная.

Рядом кормят улитками – морскими, конечно. Мелкие хрупкие раковины обвариваются в кипятке со специями, а нежный микроскопический кусочек моллюска приходится терпеливо выковыривать... зубочисткой. В целом процедура напоминает щелкание семечек – требуется определенное терпение.

По соседству столики забиты любителями поесть вареных раков, чуть дальше – лепешки всех сортов, потом фруктовые валы (к нашему удивлению, цены практически не отличаются от провинции); еще дальше – горячие паоцзы (манты), жареные орешки, вареная кукуруза и многое, многое другое. Дешево и вкусно – непотопляемый девиз этих вездесущих лавочек и палаток.

Дым стоит столбом, китайский говор висит топором, юани шуршат осенними листьями, лоховатые лаоваи покупают всякую ерунду втридорога, ну а мы любуемся всем этим безобразием, неторопливо стаскивая зубами с палочки очередной восхитительный хрустящий кусочек баранины. А через дорогу неоновые ручейки избегают по склонам какого-то бизнес центра на высоту шестидесяти этажей, сливаясь там, в вышине, с сиянием Веги – древней мифической прародины желтой расы.

Итак, накупив персиков, лепешек, орехов и еще кое-что по мелочи, оккупируем один из наших номеров и приступаем к долгожданному ужину. Живительный зеленый чай пьется легко и привычно, согревая уже успевшую немного застыть под кондиционером душу. Устраиваем генеральную ревизию китайскому телевидению – берем пульт и пролистываем подряд все тридцать-сорок каналов, действующих в Пекине.

Как бы выразительнее провести параллель сравнения между российским и китайским телевидением? Скажем так: нынешнее русское ТВ – это (не будем брать в расчет приятные, но малочисленные исключения) Шварцнеггер в окружении полуголых девчонок, растреливающий из крупнокалиберного пулемета гору стиральных порошков и прокладок под ностальгические вздохи Петросяна и неумеренное похрипывание Пугачевой; на заднем плане MTV сражается с депутатами Госдумы. Китайское ТВ – это... ну, как если бы у нас с социализмом все получилось, только Мосфильм отдали бы на раскрутку Стивену Спилбергу – и передача «Служу Советскому Союзу» сохранилась, и главную роль играл бы Сталонне. Но сцены, где Шэрон Стоун закидывает ногу на ногу, заменили бы рекламой ОБХСС. Вот примерно так.

Наши СМИ – это в основном страшилки и скандалки, а китайские – веселилки и воодушевилки. У них на экране меньше грубых шуток и секса, больше откровенной государственной пропаганды, мягкой музыки и дурацких китайских комедий (китайский юмор, увы, нам кажется нелепым и неинтеллектуальным – таких двигателей российской ментальности, как Задорнов или Жванецкий, у них нет и не может быть). Рекламы даже больше (хотя мы догоняем), но она спокойнее, менее агрессивная и более патриотичная. Скучных бездарных передач – примерно одинаково.

Немалое место занимают сериалы, и среди них половина – про боевые искусства или исторические (что неудивительно при такой древней и насыщенной истории). Ушуистские сериалы – те же «Богатые тоже плачут», только Луис-Альберто ходит в шаолиньских гетрах и с четками на шее, а Марианна периодически крутит двойное сальто и является незаконнорожденной дочерью мастера секретной техники удара большим пальцем ноги. В роли злодеев, естественно, выступают представители вражеских школ кунфу, истребить которых до седьмого колена по линии двоюродной бабки «Луис-Альберто» поклялся еще в грудном возрасте. Диалоги можно оставить без изменений, только имена китайские.

Происхождение кунфуистской кинематографии совершенно очевидно – Пекинская опера, китайский балет с элементами боевых сцен. Успех же и количество подобных сериалов свидетельствуют о том, что в Китае все еще занимается ушу не одна сотня миллионов человек – пусть это просто спортивный чхан-цюань или танцы с веерами в парке – все же понятие о культуре движений распространено широко.

Есть и кабельные каналы, где можно посмотреть «Терминатора» в китайском переводе, но даже там обычно сильна цензура – фильмы с элементами порнографии и анти-восточной направленности не допускают до массового зрителя. Редко, но можно увидеть репортажи из России – в основном из Москвы или с Дальнего Востока – о жизни китайских эмигрантов или рабочих. Думаю, не ошибусь, если скажу, что о России китайцы знают столько же, сколько мы о них – то есть почти ничего. Конечно, старшее поколение когда-то неплохо изучало русский язык, училось по нашим учебникам, выпускало продукцию с заводов, построенных нашими инженерами – но все это в прошлом, сейчас молодежь учит английский и старается уехать в Америку или Европу. Да и сам Китай ныне неплохо образован, снабжен компьютерами и высокими технологиями; все, что сейчас мы в состоянии ему предложить – лес, газ, электричество и, быть может, помощь в запуске

спутников. Надо задуматься!

Частенько попадаемся на региональные каналы, особенно Гонконг или Шанхай – в этом случае наши скромные познания в китайском становятся почти бесполезными, и иногда спасает лишь подстрочник иероглифами – написанный отнюдь не для иностранцев, а для своих же братьев по письменности, но не по диалекту. К счастью, большинство образованных китайцев умеют, помимо родного диалекта, говорить и на путунхуа (общенациональный стандарт языка), поэтому песни в исполнении Джеки Чана на торжественном концерте, посвященном присоединению Гонконга, мы почти полностью поняли.

За чашечкой чая и обзором гонконговских торжеств ведется неспешная, но концептуально насыщенная беседа, местами переходящая в дискуссию. Народ подобрался в большинстве если и не с высшим образованием, то с претензиями на него, так что в идеях недостатка нет. Татьяна со свойственным ей унылым пылом толкает новую теорию единого праязыка, из которой однозначно следует, что слово «Москва» – арабского происхождения; А.М., как дипломированный филолог, немедленно начинает эту теорию распиливать на куски тупой пилой; Роберт Васильевич, по образованию – мастер по ремонту телевизоров и знаток киргизских обычаев, тоже находит что добавить; Миша Натуральный, рассекая складным ножом очередной персик, бормочет что-то типа «*In vino veritas*»; Славик в это время сооружает хитрую конструкцию из вешалки и пары только что выстиранных носков, которую для быстрой просушки пытается подвесить под кондиционер (русская смекалка); ну а Вовка посмеивается над каждым из нас вместе и по отдельности. Понимая, что дискуссия затянется до полуночи, мы с Андрюхой решаем перед сном немного прогуляться по ночному Пекину.

Ночью пекинский воздух бархатный и кажется гораздо чище дневного, хотя температура снижается ненамного, просто солнце не печет голову. Чуть меньше машин, вполтину меньше пешеходов, чуть тише на улицах. Но Пекин есть Пекин, это столица полуторамилиардной страны, здесь жизнь просто не может замереть или заснуть на ночь. Неутомимые китайцы продолжают упорно бороться за процветание своей такой загадочной для твердолобых американцев родины и, конечно, не забывают про себя любимых. Чтобы там не говорили, любая нация добивается успеха только благодаря своему трудолюбию. А в этом с китайцами мало кто может поспорить.

Где-то слышал, что многие китайские таксисты работают в две смены по двенадцать часов: пока один возит клиентов, второй отсыпается в багажнике машины. И так сутками. Не знаю, сам не видел, но возможность таких трудовых подвигов допускаю. В Китае бывает всякое!

Выйдя из гостиницы, минуем торговые кварталы, полные закусывающих и прибирающихся иностранцев (наши родные русские рожи видны за сто метров по необъяснимому эфирно-астральному рисунку ауры, в которой генетически отражены семьдесят лет стояния в очередях и сорокаградусный метод решения всех проблем), несколько мелких ресторанчиков, в которых такие же мелкие китайские бизнесмены битый час тянут светлое пиво и деликатно отщипывают палочками маленькие кусочки карпа в кисло-сладком соусе; минуем велосипедную стоянку и выходим на просторы Чанъянцзе. Машины уже не идут сплошным потоком, как днем, но их все равно много, и свет их фар сливается в единый световой коридор. Дорога переходит в два приема – до середины, где тянется полоса разделительного газона, и далее через еще четыре ряда до велосипедной дорожки. Большинство магазинов и супермаркетов уже закрыто, горят лишь яркие вывески (часто – на старокитайском, написанные красивыми старыми иероглифами) и рекламы (много японской и корейской – автомобили и электроника). Магазин «Дружба» обвешан традиционными красными светящимися фонарями пополам со слоганами «Кока-колы».

Уже говорил, но повторюсь еще раз: гуляя по ночному городу – неважно, в Пекине или в провинции – вряд ли встретишь пьяную компанию или «гопников», которые не прочь затеять драку или тряхнуть деньги. На удивление спокойно и цивилизованно. И это в стране,

где каждый четвертый, если не третий, так или иначе занимался боевыми искусствами и в принципе знает, как обращаться с холодным оружием! Конечно, законы в Китае жестки и милиция не дремлет, но сдается, что дело не только в этом; просто с детства их приучали жить более расслабленно и выражать свои эмоции более непосредственно и естественно, а потому у них меньше причин лечить свои проблемы водкой, а лишнюю энергию – если она есть – приберет государство, для которого вопрос о загрузке рабочих рук – древний и хорошо знакомый. Рецепт простой – длинные дороги и высокие небоскребы.

Время от времени включаю камеру, чтобы поймать какой-нибудь яркий кадр. Вот стайка велосипедистов неторопливо прокатывает мимо, лениво беседуя на ходу – возвращаются домой служащие какого-нибудь супермаркета; нищий (или нет?) старик около подземного перехода организовал микробизнес – чинит велосипеды по мелочам, рядом валяются ключи и насос; в самом переходе сумашедшая нищая в грязном тряпье сидит на бетонном полу с завернутым в шаль грудным ребенком и без остановки кланяется всем прохожим, если же бросить монетку – начинает истово и слишком искренне для обычной попрошайки бормотать «Се-се, се-се...» («Спасибо, спасибо...»); к ночному клубу подплывают недешевые автомобили с джентльменами в костюмах, швейцар предупредительно открывает двери перед недешевыми леди; площадка для роликовых коньков забита до отказа, молодежь отрывается под китайский вариант «Ласкового мая»; вот красивая девушка пытается разговаривать с нами по-английски – вышла погулять вместе с мамой, увидела двух белых с камерой – ясное дело, янки, надо налаживать интернациональные контакты! Английский мы знаем несколько хуже, чем китайский, поэтому объясняемся как можем, изредка путая местоимения. Впрочем, оказывается, что по-английски она говорит не лучше нас, компенсируя этот недостаток милой улыбкой. Ну что тут сказать неженатой молодежи, планирующей поездку за границу? Учите языки! Негоже в беседе с девушками по десять раз повторять заученное «Мы из Шаолиня, изучаем кунфу у монахов» – так ведь можно и сердце разбить кому-нибудь!

Стоим посередине серединной Империи в самом центре ее столицы и глядя на неоновое марево стеклобетонных монолитов, вслушиваясь краем глаза в толчею чужих диалектов, вползуба покусывая пресную лепешку с кунжутом и перцем, как-то не можем поверить, что через всего-то навсего короткий жаркий пекинский день ноги наши ступят на территорию Российской Федерации, представленную серым полом тамбура вагона поезда Пекин-Москва... Это нереально, этого не может быть. Это будет не с нами!

Глава 14

«Лейся, песня» и «Пейся, пепси» – это не скороговорка, а виды культурного отдыха масс.

Из газеты «Жэньмин Жибао».

Следующий день, последний в Пекине, начинается с утреннего посещения парка Житан («Алтарь Солнца» – когда-то в нем император приносил жертвоприношения духам предков, Солнцу и Луне). Неспешной походкой минуем несколько посольств – около каждого чистенький китайский постовой в белых перчатках (надо сказать, военная форма на многих китайцах сидит м-м-м... как бы это выразиться? Несколько лоховато – слишком уж субтильные), проходим мимо рынка Яболу (барахолка для русских) и за пару юаней попадаем внутрь огороженной красными стенами территории парка.

В восемь утра здесь кипит всю парковая жизнь – заметьте, в рабочий день. Первый, кто привлекает наше внимание – дедушка седых лет, бодро шагающий по каменной дорожке задом наперед. Предположение о старческом слабоумии с негодованием отбрасывается; версия контрамотов из Стругацких (для знатоков) признана черезчур экзотичной; спор прерывает А.М., поясняющий, что это просто напросто такой цигун – вероятно, один из новомодных. А,

ну тогда конечно, все ясно, так бы сразу и сказали... Без проблем: если все время идти вперед, то стареешь, как все, а вот если назад, то немножко отматываешь время назад, и типа молодой. Ну это как одометр у автомобилей: если все время ехать назад, то можно отмотать пробег машины в обратном направлении. Не пробовали? Попробуйте!

Повстречав еще несколько контрастов, приближаемся к центральным площадкам парка. В центре расположена система прудов, живописных полянок и аллей, на которых легко уединиться и покачать ци в свое удовольствие, или просто посидеть на скамеечке в тенишке, любуясь на искусно расставленные валуны и карликовые деревья. Впрочем, есть здесь немало и нормальных деревьев – платаны, магнолии, кипарисы и всякие там елки-палки. Некоторые из них облюбованы местными цигунистами для осуществления своих странных, порой-таки подозрительных для непосвященного глаза практик. Так, можно увидеть солидную даму лет пятидесяти, вцепившуюся в горизонтально расположенный сук верхними конечностями и раскачивающуюся в этом легкомысленном положении. Другое несчастное дерево и вовсе вынуждено покрепче ухватиться корнями за землю: толстый мужик расстегнул рубашку на пузе и методично бьется оном о древесный ствол (одно из классических шаолиньских упражнений), спасибо еще это не пальма со спелыми кокосами. Рядом стайка женщин бальзаковского возраста (кстати, сколько это в цифрах?...) выполняет тайцзицюань под современную легкую музыку (в Китае она вся легкая; понятия «блатные песни» у них нет и в задумке – а ведь при Мао сидели как надо!) – вроде бы ничего особенного, но вот разительный штрих – у них нет тренера! Никто не заставляет их потеть по три часа в день – они делают это сами, потому что им это нравится и такова традиция!

Что делают люди в наших парках? Гуляют, сидят у фонтана, пьют пиво, в лучшем случае посещают какие-нибудь аттракционы. Словно не знают, что с собой делать – ждут того, что бы их развлекло или отдохнуло; пребывание наедине с собой ввергает обычного среднестатистического европейца в беспокойство (надо что-то делать, что я сижу просто так?) или скуку (господи, ну что я тут сижу один как пень, даже заняться нечем). Древние и мудрые ханьцы давно решили для себя проблему скуки и придумали массу упражнений, позволяющих человеку укрепить тело, не уставая до изнеможения, успокоить сознание, не пользуясь никакими внешними предметами или зрелищами, снять напряжение и до глубокой старости оставаться активным членом жизни. Для молодых это – кунфу, для пожилых – цигун, хотя в реальности кунфу и цигун неразделимы, и часто их невозможно различить по внешней форме.

Сказать, что в любом китайском парке за каждым кустом сидит по мастеру боевых искусств или великому цигунисту-экстрасенсу – конечно, значит безответственно соврать. Как и в любом искусстве, серьезного успеха достигают лишь единицы из десятков тысяч. Однако, сказать, что за каждым кустом сидит по занимающемуся – это правда, иногда и по два. Обилие стилей и направлений неудивительно – Пекин огромный город, сюда переезжают жить из разных провинций, принося с собой диковинные традиции семейных стилей, которые за века смешиваются, образуя новые, не всегда удачные сочетания. При всей своей привязанности к традиции и в чем-то консервативности, китайцы, тем не менее, легко принимают новведения и чужой опыт, практически используя лучшее и без сожаления отбрасывая неподходящее. Возможно, разгадка парадокса в том, что так легко меняется лишь внешняя форма – но основа, выстроенная тысячелетиями, неизменна. Казалось бы, авторитет китайского ушу не должен был бы позволить иностранным или новомодным стилям проникнуть в культурное пространство Китая – тем не менее, сейчас очень популярны школы Брюса Ли, каратэ и даже европейского бокса. Неважно, как называться и что преподавать – важно, что для занимающихся в Китае слово Учитель всегда пишется с большой буквы, и все они свято верят, перефразируя Марка Твена, что «их Учитель легко побьет десятерых, а по воскресеньям – и сотню противников». И хотя для критичного европейского ума подобная вера кажется несколько наивной, тем не менее она имеет большой практический смысл: сознание ученика, доверяющего учителю и его методам, гораздо более восприимчиво к информации, чем сознание сомневающегося, а значит,

быстрее обучаемо; хорош учитель или плох – он все же заведомо мудрее и опытнее своих учеников (иначе они поменялись бы ролями!), и нужен им как проводник на их собственном длинном пути. Пройдет время, и многим из них окажется уже не по дороге с учителем – и в этом нет ничего плохого – но пока учитель рядом, в него стоит верить – и скорее всего, чуть раньше, чем понимать.

Возможно, занятые именно такими размышлениями, продолжаем нашу увлекательную экскурсию по парку Жи-Тхан. Минуя небольшой пруд, в котором вокруг искусственных (но выглядящих очень естественно) каменных островков плавают утки, вдруг слышим звуки музыки, в которой безошибочно распознаем традиционную пекинскую оперу. Действительно, спутать какофонические завывания свирелей, аккорды циней и удары литавров с чем-либо другим невозможно. Ориентируясь по звуку, подбираемся поближе. Довольно большая беседка с сидениями для музыкантов внутри, человек тридцать зрителей и десяток исполнителей, причем все они периодически меняются местами. Конечно же, большинство из них – пенсионеры. По центру беседки стоит дедушка лет шестидесяти, одетый как и все его сверстники вокруг – легкая светлая рубашка с короткими рукавами, тонкие летние брюки и сандалии на носки системы «женские подследники» а-ля «простите, мисс, лайкры хватило только по щиколотку». С очередным ударом литавров дед затягивает сложную арию тонким пронзительным голосом, который с закрытыми глазами мы назвали бы женским. Любой нормальный советский человек, воспитанный на Льве Лещенко и песне «Гайдар шагает впереди», без сомнения, не выдержал бы и пяти минут этого ужасного скребущего по ушам мяуканья. Однако мы выдерживаем больше, и в награду за стойкость нам удастся послушать еще один номер импровизированного концерта – женскую партию, исполняемую соответственно миниатюрной бабушкой (одетой, впрочем, так же, как и дедушка). Здесь мы понимаем, обладателем какого глубокого баса являлся предыдущий исполнитель!

Слегка оглушенные культурным нокдауном, бредем далее. Несмотря на наше явное варварское непонимание музыкального смысла услышанных композиций, интуитивно мы чувствуем, что музыканты – молодцы и играли с вдохновением, и что для столь необычного вокального исполнения требуется особая, очень сложная практика и, видимо, особый тип музыкального слуха, совсем неразвитый у нас. И ведь это не были профессионалы, просто отряд пенсионеров по интересам. Почему наши пенсионеры не распевают арию Евгения Онегина в парке имени Максима Горького?

На следующей аллее нам посчастливилось лицезреть еще одного представителя оригинальной техники у-шу, хотя мы так и не смогли определить, к какому стилю относится увиденное. Мужичонка лет сорока, тощий и, говоря по-нашему, несколько плюгавый, одетый в штаны и домашнюю майку с лямками, выписывал разнообразные кренделя ногами и руками, то ускоряясь, то сгибая спину и замедляясь, меняя ужимки и гримасы, то неожиданно останавливаясь и просто отдыхая стоя. С некоторой натяжкой можно было бы назвать его стиль «обезьяной», той самой, которую придумали в Пекинской академии у-шу (а вовсе не в потайных коридорах монастыря Шаолинь), но смущало отсутствие каких-бы то ни было стоек и странная манера тыкать двумя растопыренными пальцами во все стороны. Налюбовавшись вдоволь на великого мастера, мы временно закрепили за новооткрытым направлением боевых искусств название «стиль пьяного таракана», и направились к выходу из парка – время уже близилось к обеду, да и впечатлений нагроузили котомку – не унести.

Глава 15

«Помню, как-то раз я подстрелил утку по-пекински...»

Барон Мюнхгаузен.

Последний обед в Пекине решено объявить праздничным – во-первых, в честь отъезда,

во-вторых, в честь присоединения Гонконга. Дух праздника и без нас, впрочем, постоянно витает на пекинских улицах, льется из динамиков, светит из экранов телевизоров, переливается разноцветными флажками и гирляндами. Все это напоминает Новый Год, только летом.

И вот, раз такое дело, мы всей группой направляемся на поиски ресторанчика, где можно закусить уткой по-пекински. Само собой, без этого блюда мы не смогли бы считать себя действительно побывавшими в Пекине. Слово «поиски» придется взять в кавычки – каждый второй ресторан в Пекине предлагает утку по-пекински, хотя это и не означает, что она везде одинаково вкусная. Но нам повезло – нашли маленький, но симпатичный ресторанчик, недорогой по пекинским ценам, но чистый по китайским меркам. Естественно, над баром подвешен телевизор, в котором известнейшие китайские поп-звезды распевают центральный мотив Присоединения, мягкий и шелестящий, как китайский шелк.

Рассаживаемся не без труда в одиннадцатиместном за круглым столом и делаем заказ: а подайте-ка нам пекинскую утку (пэй-цзин кхао-йя), то есть «утка печеная по-пекински». Молодые официантки с любопытством рассматривают толпу лаоваев, молодые лаоваи отвечают им тем же. Вот в таких вот размышлениях о смысле жизни проходят неторопливые пятнадцать минут, сдобренные ароматом зеленого чая. Приносят утку, наверняка еще вчера благополучно крякавшую в пригороде Пекина. Так как поедание пекинской утки требует известного навыка, А.М. дает нам краткие пояснения.

Во-первых, на стол подают утку отнюдь не целиком, с ножками и крылышками, как это принято рисовать на карикатурах – нет, только кусочки филе небольшого размера, чтобы удобно было брать их палочками (действительно, ведь в китайской сервировочной традиции отсутствуют вилки и ножи!), пропеченные до тонкой коричневой корочки. Во-вторых, ни одно серьезное китайское блюдо не обходится без специфического соуса, и утка по-пекински – особенно; подается миска с густым темно-коричневым соевым соусом (секрет его вкуса фактически и делает блюдо столь известным!). В-третьих, отдельно приносят блюдо с нарезанным палочками луком-пореем и еще одно – с тонкими лепешками-блинчиками размером с чайное блюдце. Процесс поедания таков: в одну руку берется блинчик, второй рукой палочками в него кладется две-три палочки лука и столько же пластиков филе, блинчик заворачивается в трубочку и макается в миску с соусом, после чего продукт готов к кусанию. Думаю, это один из самых простых способов употребления утки по-пекински, наверняка есть и более утонченные (в частности, в ресторанах подороже принято разрезать печеную утку на кусочки прямо перед клиентами...).

Закрепив свое посвящение в коренных пекинцев парой бутылочек хорошего пекинского пива (являясь антифанатом пива вообще, должен отметить, что китайское пиво в частности – очень мягкое и не горькое, и неплохо сочетается с традиционной кухней), мы в полной мере понимаем, насколько хороша жизнь, особенно когда на пару недель удастся освободить себя от повседневной привычной кармы и с бесшабашной головой окунуться в такие далекие от тебя проблемы иной цивилизации! Да здравствуют командировки и творческие отпуска!

Да только время неумолимо движется к вечеру, пора возвращаться в гостиницу паковать вещи к финальному марш-броску – на вокзал следует прибыть заранее, чтобы исключить случайные задержки и закупиться едой в поезд – трое суток одной лапшой грустновато будет. Лишь пара часов остается, чтобы сбегать в магазин «Дружба» – потратить оставшуюся сотню юаней.

«Дружба» – магазин не для бедных; собственно, в основном – для туристов. Но походить по этажам любопытно, тем более что там можно найти то, чего нет в любом другом обычном супермаркете. Например, кисть для каллиграфии размером с легкую ракету класса «земля-земля», метра три длиной и с соответствующим пуком конских волос на конце. Такую держали несколько человек, и предназначалась она для написания императорских указов на огромных шелковых полотнах, которые потом вывешивали где-нибудь на площадях Запретного города. Или полную историю буддизма в Китае за две тысячи лет,

упакованную в фолиант весом более сорока килограммов!

Есть изделия и попроще. Кружевные платки ручной работы размером где-то сорок на сорок сантиметров – всего-то шестьсот юаней (около двух тысяч рублей); вазы династии Мао Цзэдуна под старину различной красоты и стоимости; бесконечные сувениры из дерева, коралла, нефрита и яшмы; традиционные халаты и ширмы с росписями... Многие мелкие вещички легко можно найти и на обычном рынке где-нибудь в Чжэнчжоу, только раза в три дешевле. Однако, например, выбор сортов чая неплохой и при этом цены вполне демократичные – можно, конечно, купить тот же самый «Лун-цзин» («Колодец дракона») и в Шаолине на пару-тройку юаней дешевле, но таскать банки или пакеты с чаем через весь Китай смысла нет.

Еще один мелкий сюрприз – кока-кола здесь самая дешевая в Пекине, плюс к этому изголодавшиеся наркоманы могут купить настоящий бразильский кофе, почти европейские торты и пирожные (нам, конечно, и в голову не пришло попробовать) и некоторые другие несъедобные гадости фаст-фуд-происхождения.

Есть в «Дружбе» неплохой книжный отделчик, где хоть и за дорого, но можно приобрести разнообразные книги по культуре и туризму Китая, непременно с английским переводом, а то и просто на английском языке. Мы, например, наткнулись на иллюстрированный альбом по шаолиньскому кунфу, который так и не удалось отыскать в букинистических лавках в Шаолине.

Рядом же обнаружили отдел аудио-видео продукции. После недолгого осмотра поняли, что там особенно ловить нечего – видеокассет мало и стоят они непомерно дорого – от ста юаней и выше, зато дисков всех возможных форматов завалили и в пределах двадцати юаней – но тогда, в 1997-м, лазерных проигрывателей или компьютеров у нас почти не было – ушли не солоно хлебавши!

Взглянув на часы, понимаем что «Дружба» дружкой, а служба службой, и пора бежать в отель собирать вещи.

Все-таки две недели в Китае – это много, особенно при таком напряженном графике перемещений. Добираясь до Центрального вокзала на перекладных, мы начинаем это ощущать – язык вяло ворочается во рту, в разговорах с китайцами склонен ограничиваться одной-двумя дежурными, хорошо заученными фразами – где бывшее рвение общаться до судороги в мозгах, приплетая в речь весь освоенный словарный запас! Нет, перегрузка явно налицо, и потная тридцатиградусная вечерняя жара лишь усиливает всеобщую депрессию. Восторженных криков типа «Ура, скоро будем дома!» что-то не слышно, Вовка хохмит скорее по привычке, Славик задумался (вероятно, о том, чем придется питаться в поезде), а Роберт Васильевич и вовсе приуныл – видать, оставил изрядный кусочек сердца где-то на горе Шао-ши... Камера мирно лежит в сумке – снимать совсем не хочется, хочется сесть на каменный бордюр у обочины и тупо сосать воду из бутылки с тающим льдом, безумным взором озирая окрестности небоскребов. Где ты, ностальгия по березкам и бескрайним бурятским степям? Почему не хочется черного хлеба с копченой колбасой, женского хора «Ой, цветет калина в поле у ручья» и бочки с надписью «Квас» около дома с надписью «Гастроном»? Хотя нет, бочка холодного кваса не помешала бы... Ну вот, позитив налицо, будем двигаться в этом направлении...

После громадьи Западного вокзала Центральный, Пекинский вокзал кажется тихим и провинциальным. О, нас, великих и умудренных опытом путешественников, уже не удивишь смешением наций и языков в зале ожидания, уже не потревожишь запахами местного буфета и не восхитишь чистотой здешнего туалета. Грустными и всепонимающими глазами мы смотрим на зазывал, агитирующих сесть на автобус до Си-Даня – бывали, знаем. Вероятно, есть в нашем облике уже что-то такое, прожженный цинизм бывшего туриста, что таксисты и нищие как-то не липнут к нам, предпочитая обрабатывать новичков. Конечно, за полмесяца толкотни по рынкам каждый, даже самый отпетый антикитаист, выучил джентльменский набор коротких фраз, из которых главное место всегда занимает «Отвали, не надо».

Привычно раскидав тюки по мягким сиденьям зала ожидания, назначаем

добровольного дежурного и отправляемся в прощальный обход окрестных магазинчиков – за провизией и недокупленными еще сувенирами. Рассказывать здесь не о чем, потому эту страницу читатель так и не прочитает...

Глава 16

«Все когда-нибудь кончается.

Когда же оно закончит это делать?»

Дао-дэ-цзин.

Ночь бессильна перед сиянием многочисленных реклам и фонарей в окрестностях Пекинского вокзала. До отправления поезда остается час-полтора, все точки уже поставлены, все куплено, все уложено, последний юань беспощадно потрачен на никому не нужную безделушку из привокзального киоска... Остается лишь вытащить камеру из сумки и с некоторым отчаянием снимать циферблат ночного вокзала, где подлые стрелки крадутся к десяти. Это зрелище немного более жизнерадостное, чем усталые лица членов нашей группы, рассевшихся в полной прострации вперемежку с рюкзаками и связками шестов. Пстой, паровоз, не стучите колеса...

Становится совершенно очевидно, что мы не уезжаем отсюда. Наши тела – да, вещи и документы – обязательно. Но не мы, не так сразу. Забегая вперед, скажу, что действительное возвращение происходит в срок от месяца до полугода – чем ярче впечатления от поездки, тем медленнее. Еще очень долго нам будет сниться Шаолинь, запахи Китая, еще неделю-две будет возникать желание ответить по-китайски кондуктору в автобусе, а в трехэтажной перебранке слесарей будут странным образом слышаться китайские глаголы.

Финальный отрезок повести неплохо было бы снять в замедленном кинопоказе, под музыку Уитни Хьюстон из кинофильма «Телохранитель», та самая сцена, где героиня драматически тормозит самолет, не в силах расстаться с любимым главным героем...

Итак, двери зала ожидания распахиваются, толпа груженных под завязку лаоваев вваливается на перрон, с тоской озираясь в поисках нужного вагона. Навстречу робко тянутся носильщики, надеясь заработать на обессиленных иностранцах юань-другой. Их безжалостно отпихивают пучком шестов, из уст Михаила Викторовича медленно и натужно вырывается «Бу яо-о-о» («Не надо...»), носильщики затоптаны, группа начинает разбег по перрону. Приветливо-скужающее выражение лица нашей родной московской проводницы медленно сменяется легким ужасом при виде надвигающейся шеренги рюкзаков и заскотчеванных связок мечей. Одиноким китайцы испуганно прячутся по купе, когда передовые ряды ушуистов врываются в вагон с явным намерением занять его. В вагоне по старой доброй русской традиции отключен кондиционер, стоит жуткая духота, все, как шпроты в масле, толкуются у своих купе, распахивая увесистые чемоданы по полкам... Непривычно видеть надписи на русском языке, стаканы с черным чаем, людей в железнодорожной форме с нашими советскими лицами. В полусвеченном бреду одутловатое лицо проводника, по слогам произносящее: «Ре-бя-та, вы до-ку-да?...» – «Домой, в Красноярск». Свет гаснет, провал в воспоминаниях на три дня.

Обратная дорога почти не оставила в памяти никаких впечатлений, вероятно, запас свободного места в голове просто закончился. Перрон в Красноярске, встречающие, родная девятиэтажная деревенька. Акклиматизация, легкое непонимание вкуса домашней пищи – почему так однообразно? Рассказы о Китае – первый раз, второй раз, третий, десятый... Наконец-то расшифрованы записи с камеры, осмотрены неторопливо, прокомментированы. Подарки розданы, сувениры подарены. Реставрация старых привычек. Попытки есть все палочками. Попытки все поливать соевым соусом. И те и другие – неудачные. Любите Родину, мать вашу... Любим, однозначно.

Никто из нас не стал китайцем, и уж тем паче монахом Шаолиня. И все же поездка эта

значила для большинства из нас больше, чем обыкновенное туристическое путешествие, пусть даже по экзотическим местам. Имеющий глаза да увидел, имеющий уши услышал, желающий понять кое-что понял – что-то свое, что бессмысленно рассказывать другим. Возможно, мы посетили более чем одну страну. Первой был Китай, как во многом антогонизм России, как культурная сокровищница, как альтернатива европейскому мышлению. Во вторую страну попасть было труднее, но иногда удавалось – проходя по залам Шаолиня в предзакатный час, отдыхая на ступеньках около пещеры Дамо после долгого подъема, ловя случайный аромат благовоний у домика второго патриарха... В этой, второй стране ты переставал ощущать свою национальность, обретая, пусть на минуту, качество абсолютного спокойствия – и эта минута осталась с нами навсегда, как вкус земляники, который невозможно забыть, попробовав однажды.

ЭПИЛОГ

Учитель Ши Яншань до сих пор живет и здравствует в Шаолине, а не так давно даже попал на экраны нашего центрального телевидения (в документальном фильме с громким названием «Шаолинь. Путь воина»).

Мастер Фу Цзыцян также продолжает преподавать **сяохун**, но из Шаолиня уже уехал – власть поменялась.

Мастер Ши Дэян уже не так часто попадает на обложки цветных буклетов о Шаолине – времена не те, молодые напирают. По слухам, живет при одном из женских монастырей где-то на юге.

Все участники нашей поездки ведут активную жизнь здесь, в Красноярске. Многие уже не занимаются ушу, некоторые сами стали тренерами, некоторые женились и стали папами, а кое-кто из женской части – даже мамами.

Тренировки на острове Отдыха продолжают по сей день, только занимающихся стало значительно больше – шаолиньское искусство развивается в Красноярске, как ни в одном другом городе страны. В ближайших планах – постройка собственного центра для тренировок и медитации (крупная надпись внизу экрана – «ИЩЕМ СПОНСОРОВ»).

Количество китайских ресторанов в Красноярске постоянно увеличивается.

Высотное тридцатизэтажное здание в центре нашего города (смотри начало истории) остается недостроенным.

Осама бен Ладен остается непойманным.

Миллениум давно наступил.

Титры.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имена и фамилии главных героев имеют самое прямое отношение к действительности.

Цитаты и эпитафии совсем не обязательно являются таковыми.

Продолжение может и не последовать.